

МАРГАРИТА ЮЖИНА

Пинок
в светлое
будущее

замский смешной детектив

Маргарита Южина Пинок в светлое будущее

*Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161165
Южина М. Пинок в светлое будущее: Эксмо; М.; 2006
ISBN 5-699-18889-4*

Аннотация

Ну никакой личной жизни у завятой сыщицы Зины Корытской! Только она ввязалась в серьезное расследование, как стало известно: ее возлюбленный Иннокентий Плюх отбывает на работу в другой город. Мало того – возле него все время крутится какая-то подозрительная блондинка. Как бы поступила нормальная женщина? Немедленно бросилась бы спасти свою любовь. Но Зина не такая. Не успев как следует посочувствовать попавшей в больницу подруге, которую кто-то шарахнул, по голове тяжелым предметом, она смело выходит на дело: в городе орудует маньяк. Так что теперь или она его вычислит, или... Ну уж нет – стать жертвой маньяка вовсе не входило в ее планы. А вот сыграть роль соблазнительной наживки...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	48
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Маргарита ЮЖИНА ПИНОК В СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ

Глава 1

Сон в руку, в ногу и по голове

– Девушка-а, ну нас будет кто-нибудь обслуживать? Уже двадцать минут тут толчемся, а вы только языком молотите! – нерешительно роптала возле барной стойки кучка посетителей непрезентабельного вида.

Зинаида Корытская, барменша сего благородного заведения, по-царски не замечала недовольства очереди. Ее внимание было отдано одному мужчине, сидящему за столиком.

– И что, ты раньше об этом не мог сказать? – возмущенно дергала она ярко накрашенными губами.

– Да я и сам только что узнал! – с жаром объяснял Игнатий Олегович Плюх – великолепный хирург, а в свободное от работы время сердечный друг Зинаиды. – Они ведь пока думали да решали...

– Вот-вот, они, значит, думали, а от меня ты решение совсем безголовое хочешь, да? Чтобы я брякнула сдуру, что

согласна, а потом локти кусала, так, что ли? Мне тоже надо подумать!

Игнатия Олеговича направляли в небольшой соседний городок на продолжительное жительство, где ему торжественно вручали клинику. Покинуть родной город без близкого человека Плюх не решался, а оттого и пытал разлюбезную Зинаиду Ивановну уже минут сорок. Та же, хоть и мечтала поскорее стать «Плюшкой», на столь кардинальные перемены не отваживалась.

– Я же не могу вот так сразу! – тарасила она глаза. – У меня здесь дочь собирается матерью стать, у меня работа, посетители...

– Ну де-евушка-а, ну отпусти-ите... – ныли со стороны барной стойки.

– Да можете вы помолчать в самом деле?! – вызверилась на них нервная барменша. – Вы что, не видите: я обсуждаю с директором прейскурант... Так на чем я остановилась? Ах, да! Я же не могу ехать так скоро, прямо на этой неделе! Что же, значит, мне бросить свое призвание и...

– Какое призвание? О чем ты говоришь? – вскинулся Плюх. – Какие-то несчастные алкаши, которым ты продаешь дешевый портвейн, – твое призвание?

Нет, ну это уже не лезло ни в какие ворота! В конце концов, Зинаида не какая-нибудь там санитарка – она, на минуточку, управляющая баром при театре мод. И, можно сказать, директор и бармен в одном лице. Еще совсем недавно

она металась в поисках работы, потому что даме ее возраста найти место весьма затруднительно. Ее по крайней мере никуда не взяли, когда противный старикан, то есть директор ресторана, где она больше двадцати лет проработала официанткой, выставил ее за порог. Конечно, придумал ерундовую причину: якобы она выбила клиентке зуб, но на самом-то деле Зинаиде было понятно, что старый похотливый верблюд просто омолодил состав своих сотрудниц, и при этом его несколько не волновало, где бывшая официантка будет добывать себе пропитание. Зато Зинаиду оно очень даже беспокоило – кушать хотелось каждый день, а новая работа все не подворачивалась. И вот когда господин Случай подарил ей барчик в театре (ой, ну прям неприятно вспоминать, что ж за случай такой произошел... короче, ее знакомая, бывшая барменша, временно пребывала сейчас в изоляции по причине преступления, и попала она туда с легкой руки самой Зинаиды), так вот когда этот самый случай вручил ей все ключи от бара, Плюху приспичило заняться собственной клиникой вдали от места работы Зинаиды. И при этом он еще оскорбляет ее посетителей, алкаши, видите ли, они. А у них что, деньги игрушечные? Точно так же платят, правда, не много, зато чаще!

– Значит, у меня алкаши, да? Вот эти, да? – шурилась от праведного гнева Зинаида. – А у тебя... а у тебя зато – калеки!

Плюху будто кипятком в лицо плеснули:

– Не смей так говорить о моих пациентах! Они несчастны! Они же больны!

– Да?! А о моих пациентах ты можешь говорить, что они алкаши? А они, может быть, тоже несчастны. И тоже больны... алкоголизмом. – Зинаида даже носом хлопнула от сочувствия к посетителям.

– Говори сразу – едешь или остаешься со своими пьяницами? – паровозом дышал Плюх.

– Ах, пьяницами? Да они трезвее тебя! Знаешь, насколько я тот портвейн развожу? Там же вовсе алкоголя не остается! И вообще, я здесь незаменимый человек. Если уйду, они без меня немедленно сопьются.

– Ну смотри... – Плюх резко встал из-за стола и шумно вышел.

Очередь довольно загудела, зашевелилась и загремела медяками.

– О, обрадовались... – заворчала Зинаида и поплелась за стойку. – Сразу говорю – сегодня санитарный день. Через час закрываю заведение. Да! И нечего морщиться! Здесь вам не рюмочная какая, а солидное заведение! Так, что кому, говорите быстрее, не задерживайте очередь...

Сразу, как только Игнатий хлопнул дверью, Зинаида поняла, что была не права, что должна ехать с любимым на край земли и проявить лучшие качества декабристки. Тем

более что и ехать-то недалеко, всего-навсего в соседний город. А потому уже к семи часам она закрыла бар и понеслась в ближайшую кулинарию за свежим шоколадным тортом. Плюх любил шоколадные изделия, и торт для перемирия был просто необходим.

С увесистой коробочкой и самой сладкой улыбкой на лице, Зинаида нажала на кнопку звонка. Она даже позу придумала эдакую красивую и непринужденную – чуть изогнуть туловище в талии, облокотиться на перила и немного эротично выставить бедро, самую чуточку, чтобы сразу с порога обрадовать ершистого Игнатия. Правда, Зинаида еще не успела облокотиться, как дверь распахнулась и на пороге показалась веселая пухленькая барышня в светлых кудрях и розовом фартучке. Который, кстати, Зинаида собственноручно шила из занавесок!

– А... – потерялась гостя.

– Вы к кому? – вздернула хорошенькие бровки пухленькая особа. – Вы к Игнатию?

Зинаида натруженно крикнула в знак согласия.

– Ну тогда проходите, – приветливо предложила дамочка. – Только сразу хочу предупредить: у Игнатия Олеговича совсем немного времени, постарайтесь его слишком не задерживать.

И, отойдя в глубь комнаты, заворковала:

– Плюшечкин! К тебе пришли! – А следом Зинаида услышала громкий шепот: – Игнаша, это, наверное, кто-то из

больных, у женщины все лицо на бок съехало, наверняка паралич лицевого нерва. Объясни, что ей не к хирургу, а к невропатологу надо...

Игнатий вышел в прихожую с самым профессиональным выражением лица. По этому выражению и распластался шоколадный кулинарный шедевр.

– Я пришла тебе сообщить, что... что никуда с тобой не еду! – со слезами в голосе выкрикивала Зинаида. – И вообще! Если хочешь знать... если хочешь знать... Я замуж выхожу. Ни к какому невропатологу мне не надо! Потому что у меня все замечательно! И у меня... у меня даже жених уже есть, вот! И с тобой поэтому не еду! И замуж выхожу, вот!

Она быстро выскочила за дверь и, гремя каблуками, устремилась вниз по лестнице. Что там ей кричал предатель Плюх, она не слышала из-за своих бурных рыданий.

– Если меня будут спрашивать, я ночую у дочери! – рявкнула она домашним, ворвавшись в свою квартиру, закрылась в комнате и, заглотив сразу две таблетки снотворного, забылась в беспокойном сне.

– Нет, Нюр, ты представь! Эта крашеная крыса сказала ему, что я недоделанный паралитик. В смысле, только на одну сторону лица. Она бы себя видела! – жаловалась на следующий день Зинаида своей подруге Анне Тюриной, сидя за столиком в баре и опять никакого внимания не обращая на страдальцев-посетителей. Те тучной стайкой паслись возле

стойки, поглядывали на барменшу, но, видя ее горе, отвлекать не осмеливались – сочувствовали.

– А я всегда говорила – ну разве ты ему пара? – тарасила накрашенные глазки подруга Нюрка. – Прямо всегда тебе удивлялась! Ты что, не видишь? Он же весь... такой утонченный... такой высокий, такой... стильный, остроносый... как итальянский сапог. А ты рядом с ним... лапоть лаптем, уж извини за правду жизни. Ну посмотри на себя! У тебя, кстати, нос – просто вылитый лапоть. Я всегда говорила.

Зинаида критически уставилась в зеркальную стену. И во все она на лапоть не похожа. Такая стройненькая, даже ключицы выпирают, ножки с коленочками... коленочки, правда, какие-то мосластые, зато ноги здоровые, без варикоза. Она за ними следит, волосики регулярно выдергивает пинцетом. Чего еще нужно-то, чем не красота? А фигура! Грудь у нее, между прочим, не накладная, своя, выращенная по народным рецептам – маменька всегда говорила, чтобы капусту ела, и Зина маменьку слушалась. Опять же лицо. Благогородное, длинненькое такое личико, породистое. Недавно еще и зубы новые вставила, металлокерамику, и улыбаться чаще стала – не прятать же во рту эдакую прорву деньжищ! А Нюрка определенно завидует. Да чего Нюрке верить-то! Тюрина, конечно, дама состоятельная, однако отчего-то ей никак не везет с мужиками. Даже на деньги не льстятся. И к Плюху она со своими ухаживаниями приставала, да только Игнатий выбрал Зинаиду. Нюрка по этому поводу несколь-

ко раз с подружкой ссорилась, да потом решила, что с судьбой ничего не поделаешь, и смирилась. А вот теперь от души порадовалась, что мерзавец и Зиначку вниманием обошел, выбрал толстую крашеную блондинку. Поэтому как ни была подруга близка, а веры особой слова ее не внушали.

– Зиначка, я тебе сочувствую всей своей огромной душой, – тыкала Нюрка батистовый платочек в уголки глаз. – Потому что понимаю: все мужики – гады. А твой Плюх вообще негодяй особенный!

– Чего это он особенный негодяй? – обиделась за приятеля Зинаида. – Обычный, такой же, как остальные.

– Барменша! Ну скоро вы нас обслужите? – уже взревела нетерпеливая очередь возле стойки.

Зинаиде пришлось отвлечься от содержательной беседы и обслужить посетителей. Снова рядом с Нюркой уселась она только тогда, когда подросла ее помощница – приятная девушка Ариша, подружка дочери Насти. Девушка работала через день, всегда могла подменить, и Зинаида без нее уже работы не представляла.

– О чем это мы тут с тобой? – спросила она подругу.

– О том, что Плюх негодяй редкостный, с тонким психологическим подходом, – со знанием дела сообщила Нюрка, потягивая какой-то мудреный коктейль. – Можно подумать, он не понимает, что у тебя уже возраст предпенсионный... И вообще – какой идиот на тебя позарится? Вот и завел...

– Нет, ну чего мелешь-то?! – отвлеклась Зинаида от стра-

даний. – Какой предпенсионный-то? Мне же в прошлом году только сорок стукнуло!

– Да? А в позапрошлый сколько? – ядовито скривилась Нюрка. – Мы тебе и в позапрошлый сорок отмечали, и еще два года назад... А чего я неправильно говорю-то? Ну где ж тебе мужика найти с твоим-то умом? Нет, это я в хорошем смысле! У тебя такие хоромы, а ты сдаешь комнаты кому попало. Нет, ну ты внимательно смотрела на своих соседей? Они же на стенде «Их разыскивает милиция» висят, такие рожи! Юнона эта... Со смеху родить можно! Или Гриша ваш... О Неле я вообще умалчиваю. Вот отчитайся, почему ты ни разу не догадалась сдать комнату какому-нибудь состоятельному бизнесмену?

– Потому что состоятельные бизнесмены сами имеют комнаты. И побольше, чем у меня. Нет, ну если ты, конечно, китайцев имеешь в виду, или там строителей-таджиков...

У Зинаиды, в общем-то, особых хором не было. Имелась только секционка с общей кухней, пожелтевшей ванной и полуразвалившимся унитазом, однако она была самым старым жильцом в этой коммуналке, а потому считала себя хозяйкой. В коммуналке было три комнаты, и в двух комнатах постояльцы вечно менялись. Вот теперь соседями Зинаиды были почтенная семейная пара Поповых – Григорий Федорович и Юнона Васильевна, и солидная мамаша Неля Михеевна с двухлетней дочкой Дашенькой. Конечно, среди таких соседей мужчины для себя не обрешь. Зато все жильцы бы-

ли между собой дружны, вызывали, если понадобится, «Скорую помощь» друг другу, не бросали в соседские кастрюли хозяйственное мыло и даже устраивали в воскресные вечера совместные чаепития.

– Нет, ну ты меня вообще, что ли, не слушаешь? – задержала Нюрка подругу за рукав. – Я ж тебе чего говорю-то! Знакомые мне тут одного господина сосватали – пальчики оближешь! Ой, прям так жалко, так жалко... для себя берегла, но тебе, так и быть, я ж не совсем без сердца, уступлю.

Зинаида насторожилась – чтобы Нюрка вот так свободно раскидывалась мужиками? Да еще от которых пальцы приходится облизывать? Здесь явно что-то не так.

– А чего ж сама? – на всякий случай спросила Зинаида.

– А я не могу, – скорбно скуксилась Нюрка. – Мне недавно сон снился. Вещий. Я тебе не рассказывала? Сама виновата, потому что никуда теперь, кроме своего бара, не ходишь. Нет, ты определенно должна сойти с ума!

Зинаида послушно подперла щечку кулачком и приготовилась к сумасшествию.

– Короче, представь, – Нюрка закинула ногу на ногу и мечтательно закатила глазки. – Уже представила? Значит, снится мне, что я российская разведчица, выполняю важное задание, но меня вдруг ловят бандиты, пытаются и бросают в какие-то катакомбы...

– А ты что, прямо катакомбы видела? – удивилась Зинаида, сама она их даже и не представляла.

– Нет, там что-то типа подвала было. Говорю же – катакомбы! И вообще, чего цепляешься, это же сон! И вот, прикинь, падаю я черт-те куда, а сама так кричу: «А-а-а!». Ну вроде как стон у меня из груди вырвался. Но не успеваю долететь, а меня подхватывает на руки такой обалденный мужчина... Такой, знаешь, молодой рекламный красавец – фигура там, бицепсы, все дела. Он уже до этого поработал – всех разогнал, а теперь подхватил меня и потащил сразу к себе домой.

– Садовник, что ли? – по простоте душевной уточнила Зинаида.

– Ой, ну какой садовник! – возмутилась подруга. От негодования у нее даже нога брякнулась на пол, и от удара каблук чуть не съехал на сторону. – Какой тебе садовник?! Еще скажи – дворник. Миллионер! Мне же иностранный сон приснился, «Парамол-пикчерз» представляет! Ну и вот. Значит, тащит он меня прямиком к себе в спальню, а там...

– Жена? Тоже с бицепсами? Представляю, – мотнула головой Зинаида.

– Ты чего, совсем, да? Это же сон! Откуда там жена-то? – выпучила глаза Нюрка и тут же снова томно откинулась на спинку кресла. – Не было там никакой жены. В общем, красавец ко мне наклоняется и нежно шепчет: «Выходите за меня замуж». А я такая: «А-а-а...», ну вроде как еще без сознания, будто я еще в обмороке...

– Фигня, – подвела итог Зинаида. – Если бы тебя хоть кто-

нибудь замуж позвал, ты бы и секунды в обмороке не задержалась.

Нюрку Зина знала уже сто лет и все время, дабы сохранить нежную дружбу, слушала нескончаемые рассказы Тюриной о неизвестных любовниках, которые охотно расставались с жизнью за один Нюркин поцелуй, годами добивались взаимности и прыгали с обрыва, если она их бросала. Правда, ни один из молодцов так и не отважился дойти с сорокапятилетней Нюркой до загса, но по правилам дружеского этикета о такой мелочи говорить не полагалось. С некоторых пор к прежним сказкам о страдальцах-ухажерах Тюрина стала добавлять красочные сны. Правда, они не отличались щедрой фантазией – во всех непременно присутствовал молодой красавец, который спасал даму от неминуемой гибели, а также от рэкета и налоговой инспекции. Сейчас Зинаида не удержалась – в сон не поверила, чем несказанно оскорбила самые трепетные Нюркины чувства. Однако быстренько припомнила про обещанного жениха, обреченно зевнула и, изобразив напряженное внимание, вперилась в лицо подружки. Что поделать, иногда дружба действительно требует жертв.

Утро Зинаиды началось с детского плача. Плакала крошечная Дашенька, а замотанная Неля крутилась на кухне возле кастрюльки с кашей и кричала на всю квартиру:

– Дашенька! Детка! Мамочка уже бежит! Вот сейчас молочко, язви его, поднимется... Сейчас, доченька!! Давай ма-

мочка песенку споеет! Ай-люли, ай-люли, обесценились рубли, ай-люшеньки-люли, цены скаканули!

– Неля, мать твою! – раздался дружеский, правда, немного нервный голос из комнаты Поповых, а через мгновение оттуда в одних трусах выскочил и сам Григорий Федорович. – Нет, ну какого хрена голосишь с утра пораньше? Да еще и про цены... С каким настроением я на работу пойду, отвечай мне немедленно! Ты знаешь, какая у меня дерганая работа? Это тебе не бухгалтером сидеть, бумажки перебирать! Мне необходим покой!

Григорий Федорович со своей женой до недавних времен жил в сельской местности. Прежние жильцы – Степанида Егоровна с дочерью Любочкой переехали туда на постоянное жительство по причине замужества последней, а вместо себя прислали ленивого тракториста Гришу с женой. Город был розовой мечтой Григория, поэтому он расстарался и устроился в жилконтору трактористом на старенький тракторок. По идее, эту машину уже давненько надо было списать, но у хорошего хозяина, по мнению начальника конторы, любая гайка на месте. Вот и тракторок на месте оказался – в летнее время вывозил мусор с дворов, а в зимнее – убирал снег. Ничего романтического, сверхсекретного и «дерганого», но Григорий говорил о своей работе так, будто трудился ядерным физиком.

– Лучше спой дочери песню про комбата-батяню, – настаивал он, – и Даша сразу успокоится.

– Не знаю я никаких комбатов-батянь! – размахивала ложкой Неля и украшала майку соседа молочными пятнами. – К тому же у моей дочери нет батяни, с чего ж она успокоится?

Но Дашенька неожиданно успокоилась, перестала плакать, и Зинаида в своей комнате слышала, как девочка робко воркует на своем языке. Все понятно – не выдержав мучений ребенка, с кровати поднялась Юнона, покорная жена Григория, и носила теперь девочку на руках.

– Вот! Вот кто настоящая мать! – тыкал скрюченным пальцем в жену гордый Григорий.

– Фигу! – ответно тыкала в его сторону огромным кукишем Неля. – Сам роди и таскай! Юнона, немедленно положите ребенка на кровать! Да что ж это такое, не успеешь дите с рук спустить, его уже схитят... Отпустите, говорю, ребенка!

Неля по воле злой судьбины дочку воспитывала одна, а потому к девочке принципиально никого не подпускала, вот и вопила сейчас сиреной из-за того, что бездетная Юнона так вероломно втиснулась в процесс развития ребенка. Зинаида уже привыкла к ежеутренним соседским перебранкам и не обращала на них внимания, знала, что уже через час, когда сытая Дашенька успокоится, соседки вместе примутся обсуждать, каким ужином порадовать сегодня тружеников. Тружеников было всего двое – Григорий и Зинаида. К последней, кстати, чуть ли не ежедневно забежал в бар кто-нибудь из соседей с просьбой покормить подешевле, так как

отчего-то именно сегодня закончились деньги. Юнона жила на заработок мужа и еще давала музыкальным детям уроки игры на фортепиано, а Неля получала какое-то мудреное пособие по утере кормильца, да еще изредка на дому шила. Короче, больших денег в коммуналке не водилось, поэтому иногда соседи забегали в бар даже дважды на дню.

Зинаида всю прошедшую неделю не покидала бара, поэтому еще с вечера предупредила Аришу, решив сегодня на работу не ходить. Объяснялось все просто – именно сегодня уезжал Плюх, и Зинаида в глубине души рассчитывала, что неверный поймет свою ошибку, бросит крашеную вертихвостку, которую она у него видела, и проползет по ковру на коленях, требуя прощения. Естественно, Зинаида простит неверного не сразу, но... на всякий случай она уже собрала самые необходимые вещи в объемный чемодан, вдруг придется срочно переезжать с Плюхом в его новую клинику. Он говорил, ему в том городе предлагают неплохую квартиру. Господи, и отчего она такая дура, надо было сразу соглашаться, да и все дела! Тем более что бар в театре мод все равно не ее собственность, а дочка Настенька с зятем Саней собираются становиться родителями только через два года, когда зять построит собственный дом.

Однако же Игнатий не приехал ползать по ковру. Зато ближе к вечеру вместо него принесло Нюрку.

– Вот! – торжественно, как наградной лист, вручила она Зинаиде смятую бумажку прямо в прихожей. – Вот тебе ад-

рес, завтра у тебя свидание, собирайся.

– А... собираться уже сейчас, что ли? Может, в комнату пройдем? – пролепетала Зинаида и уволокла подругу подальше от любопытных соседских глаз и ушей. – Теперь рассказывай, с кем свидание, кто такой, почему от сердца оторвала? – принялась она допытывать Нюрку, когда крепко закрыла дверь и расположилась на диване.

Нюрка капризничала и нарочно тянула время.

– Нет, ну кто же на сухую такие вещи рассказывает? – надувала она блестящие, будто намазанные вазелином губы. – Ты бы коньячка налила, бренди или на худой конец «Мартини», что ли.

Зинаида посопела, потом притащила чайник и плоску с ванильными сухарями.

– Угощайся. Только в рот не клади, а то жевать долго будешь, а тебе еще рассказывать. Говори, что там за принц, к кому идти-то?

– Пойдешь, значит, по адресу, я тебе бумажку уже отдала, а принц... – Нюрка сунула-таки в рот сухарик и надолго замолчала.

Зинаида перекривилась и убрала со стола тарелочку с угощением подальше.

– Ну Зин, ну какой принц на тебя клонет? Нет, ну надо же трезво мыслить, – заныла бесстыжая подруга.

– А чего бы и не клонуть? Не хуже некоторых, которые во сне в подвалы падают! – начала заводиться Зинаида, но

Нюрка ее прервала:

– Короче, мужик как мужик. Нормальный такой, седина у него красивая, квартира трехкомнатная в центре. А еще у него три картины. Прикинь – подлинники! Сам рисовал! В общем, хороший мужчина. Только немножко не ходит.

– Как? – выдохнула Зинаида. Она уже нарисовала перед своим мысленным взором определенный образ, сильно смахивающий на известного западного актера. И вдруг такая новость.

– Ой, ну как, как... Никак он не ходит! Болеет он! – раскрыла все карты Нюрка и тут же принялась рассуждать: – Нет, ну ты посуди сама – на кой черт ему куда-то бегать? У тебя уже был один спринтер, и что? Чуть отвернулась, махом улетел к новой белобрысой крале. А с этим очень удобно – как положил его с утречка на кроватку, так вечером там и обнаружил. Зато – квартира! И потом, ему уже восемьдесят. Ты читала, какой у нас средний возраст долгожителей? Вот и я не читала, но на всякий случай предупреди его, что, мол, по законам вежливости, богатым дольше восьмидесяти жить просто неприлично. Да он нормальный старичок! Купишь ему газеток, вечером придешь, он тебе анекдотики потравит... Чего ты смотришь?

– Ты-то не больно на такое счастье позарилась, – надулась Зинаида.

– А потому что мне без надобности, – парировала вредная Нюрка. – У меня, как ни крути, благосостояние выше твоего

– и квартира отдельная, любой позавидует, и в банке кое-что отложено, и машинка не хилая. Одним словом, ты же знаешь, я в старике не так нуждаюсь, как ты.

Зинаида знала. Нюрка и в самом деле была дама не бедного сословия. Нет, когда-то они начинали на равных, то есть вместе бегали с подносами в затрапезном ресторанчике, но потом у Нюрки Тюриной случился в мозгах сдвиг, она резво кинулась изучать английский язык, долго картавила: «Хав ду ю ду?» и при первом же удобном случае пристроилась в ресторан при «Интуристе». Там у Тюриной началась новая работа и новые заработки, а чаевые поступали исключительно в валюте. Появился и побочный заработок – то она джинсики достанет, перепродает, то магнитофончик импортный, то пиджачок замшевый, производства не нашего. Бабы Нюрку не осуждали, та в одиночку тянула сына Пашку и крутилась, как умела. Неизвестно, как именно, но, видимо, неплохо у нее получалось, потому что, когда вся страна рухнула в перестройку, Тюрина взлетела на вершину благосостояния. Она даже решила завести легальный бизнес, но сколько раз ни пыталась, тут дело не шло. Открыла небольшую фирму типа «купи-продай», и в самый расцвет ее бухгалтерша смылась в неизвестном направлении вместе с немалой суммой денег. Потом открыла магазинчик тканей, и в один момент он сгорел – рядышком полыхнул павильон с китайскими петардами, а тюринские ткани огонь сожрал за компанию. Еще раз Нюрка попытала счастья – завела магазин цветов, но тот угас

из-за проблем с растаможкой. А может, из-за другого – Тюрина сдуру завязала роман с мужчиной своей мечты, но он, как позже выяснилось, являлся мужем начальницы таможни. Как бы там ни было, не везло Нюрке с бизнесом, и она бы прогорела в пух, если бы сын Пашка срочно не забрал последние денежные остатки и не укатил за границу. Теперь у него там сеть салонов по стрижке крупногабаритных собак. Парень живет безбедно, а матушке каждый месяц высылает немалые проценты. И поэтому Нюрка могла себе позволить жить на широкую ногу, не работать и поставлять подруге богатеньких, чуть живых старичков.

– Мне нужен человек для сердца! – распалялась она сейчас перед подругой. – У меня-то есть крошка хлеба на черный день, а у тебя... Так и проживешь в этой конуре! А там, глядишь, вдовой сделаешься, может, кто и поприличнее, помоложе позарится. Уж твой-то Плюх точно все локти себе обкусает!

Аргумент с Плюхом поставил в разговоре жирную точку. И в самом деле – пусть кусает локти. А она, Зинаида, за просто может позволить себе выйти замуж за трехкомнатную квартиру!

Проводив подругу до дверей, Зинаида хотела было быстро попрощаться и бежать накладывать на лицо простоквашу, но тут в дверь позвонили.

– Ну сколько можно, а? – сразу завопил стоявший на пороге молодой человек – сосед снизу. Он смерил дам пре-

зрительным взглядом. – Я настоятельно требовая – сколько можно?! Что у вас там за слоны в комнатах скачут, а? Ну ведь прямо по голове, прямо по...

Из своей двери показалась Неля и запальчиво затарахтела: – И никакие не слоны! И вовсе не слоны даже! Это Дашенька с кровати на кресло прыгает. Но не попадает ребенок в кресло. Так чего теперь? И уж сразу и слоны!

– Отшлепать бы вашего ребенка... чтоб попадал! – заиграл желваками парень. – У меня завтра важная встреча, а я выспаться не могу. По голове – бздынь, бздынь, как по пустому колоколу!

– У вас голова пустая, поэтому такой резонанс, – блеснула знанием словаря Нюрка и стрельнула на парня глазами.

– Чо эт она пустая? – обиделся тот. – Она полная! Я анатомию проходил, рисунки видел. Полная она, там всяких цветных ниточек – с ума сойти, сколько! Не, а ваще, при чем тут моя голова? Уймите ребенка, говорю! А то я вам такие скачки с кресла устрою...

Нюрка рассчитывала на более миролюбивое знакомство, но сосед на ее чары не клевал, чем несказанно даму огорчил. Пришлось прибегнуть к иной лексике:

– Госсydi! Ну что за мужик нынче пошел, а? Ну такой нервный, куда деваться! Прямо тебе беременная гимназистка!

Парень на беременную гимназистку обиделся сильно. Даже щеки у него затряслись.

– Ну это... ладно. Я вам устрою... – пропыхтел он и по-

громыхал шлепанцами вниз по лестнице. — Еще посмотрим, кто из нас гимназистка!

— Неля! За мое геройское поведение относительно твоей дочери сошьешь мне домашнее платье! — крикнула Нюрка и немедленно принялась фантазировать. — Знаешь, чтобы хвост такой, как у павлина, а еще такая насадочка над попой. Поняла? Ну как раньше барышни бегали, ага? Очень хочется, эдак молодость вспо... новизны очень хочется! А ты, Зинка, не скалься, я не то сказать хотела!

Неля снова выглянула из двери и добросовестно попыталась понять, какую насадочку куда припавлинить.

— Ой, Нюрка, ну иди уже! — вытолкала подругу Зинаида.

— Неля! — крикнула Нюрка уже в дверях. — А Дашеньку угомони все ж таки. Правда, чего это она по темечку парню скачет?

Зинаида уже насильно вытолкала подругу, кинулась к себе и принялась готовиться к завтрашнему свиданию. Перво-наперво она достала старенькую цветастую летнюю юбку дочери и напялила ее вместе с черной водолазкой. У кого-то по телевизору она видела такую. Однако юбка была длинновата, а хотелось показать жениху побольше достоинств, то есть ноги. Пришлось взять ножницы и отхватить от подола солидную часть.

— Ну и как? — спросила Зинаида у здорового кота Мурзика, единственного зрителя, способного оценить обновленную юбку. — Ну скажи, что я смотрюсь сногшибательно! Что

ты говоришь? Что в такой юбке от меня бы Плюх не сбежал?

Но кот только жмурил янтарные глаза, а потом и вовсе улегся спать, наплевав на портновские потуги хозяйки. Большое зеркало, где бы Зинаида могла себя обозреть полностью, находилось только в прихожей, и она, взглянув на часы, выскользнула из комнаты.

Судя по времени, соседи уже давно должны были разглядывать семнадцатый сон, поэтому Зинаида особенно не робела. Она крутилась возле зеркала, и собственное отражение ей нравилось. А и в самом деле – получилась совершенно молодежная фигурка. Даже, можно сказать, где-то подростковая, если на лицо не смотреть. Такая пряменькая талия в обтягивающей «резиновой» водолазке, а потом сразу – раз! – и коротеньким колокольчиком юбка. Только к новому ансамблю непременно надо теплые черные колготки, а то белые-белые, аж синие ноги смотрятся вызывающе пошло. Но уж если Зина будет в колготках, мор мужского населения обеспечен...

– Позорище! – раздался позади модницы грозный мужской крик. – Бабы, все сюда! Посмотрите, как наша рабовладелица вырядилась!

Зинаида вздрогнула. В дверях прихожей красовался всклокоченный Григорий Федорович и метал из глаз молнии. Из комнат уже показались заспанные физиономии Нели и Юноны.

– Нет, вы на нее полюбуйтесь! – непонятно отчего гневал-

ся единственный квартирный мужчина. – Я, главное, пробудился, чтобы сходить по нужде, прохожу мимо, а тут наша рабовладелица...

– Какая я вам рабовладелица? – возмутилась Зинаида. – И отпустите подол, чего вы его руками-то лапаете?!

Мужчина и в самом деле ухватился за подол и тянул его вверх и вниз, как бы получше демонстрируя вызывающий фасон.

– Отпустите подол, говорю, пошляк какой! – шлепнула по пальцам бесстыжого соседа Зинаида.

Сосед отдернул руку и завопил еще громче:

– Бабы! Я кому ору тут? Я прям-таки настойчиво призываю! Посмотрите на это безобразие! – дергал редкими кудряшками благочестивый тракторист.

– Не, а чего... нормально... – почесала голову Неля. – Даже хорошо. Только ноги нужно спрятать, кривые какие-то.

– А по-моему, сюда лучше длинненькая юбочка пойдет. Правда, Гриша? – подала голос Юнона. – И платочек на голову темненький. Чего уж, не девочка вроде, ключьями на голове трясоти-то...

– Ага, и паранджу на нос, – поддакнула ехидно Зинаида. – Никаких платочков! Я, между прочим, к жениху завтра иду, а не на поминки.

– Ну тогда юбка слишком длинная, – перестроилась Неля. – К жениху надо в крутом мини ходить, по себе знаю.

– А я вот считаю, что главная девичья красота – скром-

ность, – гнула свое Юнона.

– Это для тебя, потому что другой красоты у тебя отродясь не бывало, – констатировал муж.

– Скромность девчонкам нужна, а тут чего уж... и так вон доскромничалась до сорока с лишним. Я говорю – короче надо! – не уступала Неля.

Однако тут до Григория дошло, что Зинаида собралась очаровывать кого-то еще кроме него, и он, насупившись, спросил:

– А чего за мужик? К кому на свиданку-то? Какой оклад, семейное положение, отношение к алкоголю? Давай-давай, описывай подробно.

– Ну... – Зинаида стыдливо зарделась. – Хороший мужчина. Только немножко старенький, ходить не может. А так ничего, положительный, не женат. Квартира у него трехкомнатная.

– Какой красивый жених... – завистливо протянула Неля. – Я б за такого-то... И Дашеньке бы отец был...

Юнона вытаращила глаза и возмутилась красиво поставленным голосом:

– Дамы! Как же можно?! Я в этом моменте вас никак не приветствую! Никак! Жених должен быть по любви! Это достойно и благородно! Только великая страсть! Я правильно говорю, Гриша? Только пожирающая любовь!

– Ты-то за своего тошнотика по великой страсти, что ли, выскочила? – не утерпела Неля.

«Тошнотик» стоял рядом, по-лошадиному перебирал ногами и от такой откровенности даже не нашел слов.

– Не слушай никого, – продолжала матушка маленькой Дашеньки. – Так завтра и иди. Еще и наклонись пониже раза два. Ради трехкомнатной квартиры не грех.

Больше Зинаида советов слушать не стала. Того и гляди разногласия соседей могли перекинуться в ссору, а наутро ей хотелось выглядеть свежей и выпавшейся.

На следующий день на работу она прилетела весенней пташкой – так и хотелось петь и щебетать. Но радужное настроение скоро улетучилось, так как время тянулось медленно, а посетителей было много. В самый разгар работы еще и Неля заявила вместе с Дашенькой.

– Ой, Зин, ты говорила, у тебя такое фруктовое пюре, что пальчики оближешь. Дашку не угостишь? А то мы все магазины обошли, и нигде свежего пюре нет, – нагло фантазировала соседка, усаживаясь в самом центре небольшого зальчика. – Зин, слышь чего, а мне курочку с грилем ты грозила...

Зинаида ничем таким не грозила, и ей уже изрядно надоели соседи-захребетники, которые ходили к ней в бар строго в порядке очередности, но поднимать шум при людях не хотелось. К тому же ей было искренне жаль несчастную женщину с ребенком.

– Сейчас принесу, – вздохнула она и в который раз под-

считала убытки.

Ее расчеты Нелю мало интересовали, ее волновало другое:

– Ты сегодня когда к жениху-то?

– Вот Ариша придет в четыре, меня сменит, я и пойду, – как-то не совсем радостно сообщила Зинаида.

– Это хорошо, тогда я на щеколду запрусь.

– Здравсьте! А как я домой попаду?

– А ты сегодня еще вернешься, что ли? – удивилась соседка, поправляя дочери бант. – Да чего дома-то делать? Я заметила, ты уже и чемодан собрала...

Зинаида и в самом деле кое-что собирала, но однако ж это было еще тогда, когда она собиралась с Плюхом «в ссылку», то бишь на повышение в другой город.

– Я тебе его сюда хотела притащить, чтоб тебе два раза не возвращаться, да с Дашкой я, – сообщила Неля и яростно вгрызлась в курицу. – Нет, ну о чем только думаешь? Мужика хватать надо! Хватать!

Зинаида сама не знала, что ей думать. Неля съела свою порцию и уже ушла, а она все еще сидела за столиком и размышляла – а может, ну его ко всем бабушкам, этого жениха? Как ни верти, а Юнона права – замуж надо выходить по большой любви. Не может же она так вот заявиться к старичку и выложить: «Здравсьте, мол, я временно побуду вашей женой, пока вы еще немножко живы, а вы потрудитесь переписать на меня квартирку. Да сильно-то на этом свете

не задерживайтесь, честь имейте!» И чем ей этот старичок мешает? Пусть живет долго и счастливо. И разве плохо ей, Зинаиде, в коммуналке? Вон какая Неля замечательная. И Юнона, и даже Гриша... Вот черт, Гриша точно потом победом заест. А, да что там! Пусть только попробует!

В общем, после работы Зинаида, нагруженная пакетами с продуктами, потащилась под родную крышу.

– Во! Вы только гляньте, Офелия Адамовна! Так и тащут с работы-то, прямо волокут! Надо подбросить Лукову сенсацию. Он на этом прославится.

Зинаиду перекосило. На лавочке возле подъезда сидела здоровенная Лариса Петровна – в прошлом метатель молота, а в настоящем жена перспективного журналиста Игоря Лукова. Лукову двигалось к шестидесяти, в старенькой пятиэтажке он жил с десяти лет, и все это время двор ждал, что Игорек однажды прославится и съедет в новые, роскошные хоромы. Однако годы шли, а Игорек так и застрял на звании «перспективного». Правда, потом еще добавилось «подающий надежды», но дальше с продвижением у журналиста не получалось. Игорь Луков всегда ходил хмурым, на соседей смотрел пристально и с подозрением, а его жена Лариса Петровна открыто делилась со старушками на лавочках: ее муж «ищет сенсацию». Кстати, она и сама помогала ему в поисках, как могла. Однажды даже притащила мужа на улицу и долго тыкала пальцем в небо, пока суженый не узрел, как с четвертого этажа по решетке осторожно спускается за-

поздальный гость от известной легкомысленной особы. На следующий день в газете появилась заметка о падении нравов нынешней молодежи. Правда, в ней был обойден молчанием момент, что в роли молодежи в данном конкретном случае выступала дама пятидесяти с лишним годков. Заметка не всколыхнула спящие эмоции горожан, и Лариса Петровна с новым пылом кинулась на поиски сенсаций.

Вот и сейчас она сидела на скамейке с соседкой Офелией Адамовной и грозилась пасквилем на Зинаиду. Офелия Адамовна только чопорно кивала головешкой в шапочке с помпоном и старалась не греметь сеткой – авось Ларисочка не расслышит, что у бабульки полная сеточка пустых бутылок. Они после пенсии скопились, старушка направилась было сдать, а тут такая встреча – жена журналиста. И никуда не вильнешь, а то угодишь на старости лет в «сенсацию».

– Я говорю, Зинаида Иванна, – ехидно скривилась Лариса Петровна, – мужу моему надо сказать: вот про кого писать-то надо! Про то, как вы из бара телегами возите!

Зинаида вздохнула и вежливо хихикнула:

– А-а, хи-хи, вон вы про что... А я уж думала снова про юбилей. Меня Игорь Викторович попросил ему в нашем баре юбилей организовать. Ну, чтобы подешевле. А вы, значит, все про писанину...

– Нет, позвольте... про какую писанину? – переполошилась Лариса. – И я про юбилей! Зинаидочка, вы уж посодествуйте! Чтоб все на высшем уровне! А то ж, понимаете, у

нас же такие гости будут... Кстати, вы и сами можете присутствовать! Только вот подругу вашу не приглашайте. Ну такая она не моральноустойчивая, прям жуть! Я про нее обязательно сенсацию сделаю!

Зинаида вежливо оскалилась и потащилась дальше. Да уж, подруженька Нюрка везде вызывала ненависть со стороны жен... своих любовников.

Домашние Корытскую не ждали.

– И чего? – вывалилась на порог Неля, трясая на руках Дашеньку. – Уже наворковались, что ли? Гриня! Григорий Федрыч! Прими у Зины сумки! Нет, Зин, а чего пришла-то так рано? Совсем, что ли, мужичонка ни на что не годен? Правда, что ль, не ходит?

– Да откуда мне знать, – отмахнулась Зинаида. – Я и не ходила никуда.

– А потому что без любви! – появилась Юнона. – Я сразу говорила. Правда же, Гриша?

Гриша в прихожей не появился. Вероятно, смотрел футбол. Его жена самоотверженно ухватила за сетки и, мелко семеня, точно гейша, поволокла на кухню, дабы не отвлекать мужа от зрелищ. Неля топала за ней и дискуссировала про чувства.

– Ой! Да и на фиг такая любовь? Зин, иди руки мой, не слушай Юнонку, – не соглашалась она. – Я говорю, взяла бы, переехала к старичку, ребеночка бы родили... А чего ты, Зин, тарачишься? Я вон Дашку в сорок восемь родила, и

ничего. По большой любви, между прочим. И куда она потом делась, любовь-то? А папенька Дашкин взял и смылся, а потом и вовсе помер. Ну и куда мы с дочкой теперь с той любовью? А у тебя б, Зин, хоть квартира осталась.

Вероятно, футбол закончился, потому что в дверях показался Григорий Федорович:

— Ну что, нагулялась? — спросил он, точно грозный батюшка ветреную дочь. Однако, углядев полные сумки, быстро переменял тон: — А и в самом деле, на кой черт тебе рухлядь? Ты вон в самом соку! Сегодня опять мужик какой-то звонил...

— Какой мужик? — всполошилась Зинаида. Мужчины особенным вниманием ее не баловали, и звонить мог только Игнатий. — Что говорил?

— А пес его знает, какой, — легкомысленно отмахнулся Гриша. — А говорил... Да не он говорил, это я ему сказал. Сказал, чтобы сюда больше не звонил, потому что ты вышла замуж и живешь в трехкомнатной квартире в центре. Зин, а ты че побледнела-то? Не надо было, что ль, говорить? Так я больше не буду. Не, ну че стоим-то? Нея, у тебя Дашка уже полчаса как спит, а ты ее все трясешь. И ваще, пошли уже ужинать, сейчас у Зинаиды все продукты в мешках стухнут.

Зинаида прокляла на десять рядов Гришу с его языком, ухватила кота и побрела в свою комнату предаваться горю.

Поздно вечером она все же решила позвонить Нюрке и сообщить, что знакомство с кавалером не состоялось. Кста-

ти, надо предупредить подругу, чтобы она ей больше женихов не сватала. Никого ей, Зине Корытской, не надо! Она будет жить только со своим Мурзиком!

Ничего такого Зинаида Нюрке не сказала, потому что та просто не подняла трубку.

– Понятно, – обиженно засопела Зинаида. – Опять у нее какой-нибудь новый роман. И что-то мне подсказывает, что Нюрочка совсем не на престарелого дедушку кинулась...

Потом потянулись одинаковые будни. Зинаида теперь возвращалась домой глубоко за полночь – в театре начались показы мод, и барчик просто трещал от состоятельных посетителей (любителей дешевого портвейна временно изгнали в соседний павильон). Только спустя неделю она смогла переложить на плечи Ариши часть забот и взять выходные.

Первым делом Зина позвонила Нюрке. Той опять дома не оказалось. Но вскоре подруга сама проявилась по мобильной связи.

– О, наконец-то! – недовольно проворчала Тюрина и захлопала носом. – Я тебе звонила, звонила...

– Привет, Нюра, ты где? – весело спросила Зинаида, радуясь предстоящим свободным дням. – Чего не спрашиваешь, как я съездила на свидание? Слышь, может, приедешь, поболтаем?

– Сама приезжай, – снова всхлипнула в трубку Нюра, – я не могу. В больнице я.

– А чего? – насторожилась Зинаида. – Тебя машина сбила? Поскользнулась на льду? Впала в маразм? А может, что по-женски – пластическая операция какая – удлинение шеи и укорачивание возраста? Да что случилось-то?

– Помнишь, я тебе про сон рассказывала? – грустно заговорила Тюрина. – Ну, про то, как меня пытали, а потом в катакомбы сбросили, и еще там красивый мужик был... Помнишь? Так вот – сон в руку оказался, все как в нем и случилось.

Зинаида не понимала ничего.

– Нюр, давай по порядку. Кто тебя пытал? У нас что, в городе есть катакомбы?

– Ой, ну что ты все по телефону спрашиваешь? Приезжай давай, я тебе все расскажу. Только до часу постарайся, а то тебя не пропустят, а сама я выйти к тебе не могу. Записывай палату...

До обеда Зинаида и сама бы не вытерпела. Она быстренько подвела глаза и через полчаса уже тряслась в автобусе.

Видимо, Нюрка предупредила кого надо, потому что Зинаида прошла в палату без задержек, едва назвала фамилию подруги. Ей только накинули на плечи белый халат, который нестерпимо вонял хлоркой.

В палате, кроме Нюрки, никого больше не было, однако и ее Зинаида узнала не сразу – вместо кокетливых кудряшек на голове Тюриной красовалась каска из бинтов, а все лицо сильно увеличилось в объеме и отдавало зеленоватым коле-

ром.

– Здравствуй... Нюра, – сглотнула Зинаида ком в горле и, как умела, ободрила подругу: – А ты ничего... выглядишь... цвет лица такой... весенний.

– Не издевайся, а? – уныло попросила Нюрка и хлопнула носом. – Лежу тут, лежу, и хоть бы какая холера навестила!

– Нюрочка, да просто никто не знает, что ты здесь, – осторожно погладила больную подругу по руке Зинаида. – Я вот, например, ни за что бы не догадалась. Ты хоть бы позвонила...

– Ты чего, слепая, да? Не видишь, что я вся переломанная, не могу по этажам бегать, а мой сотовый кто-то спер. Даже и не знаю, где – то ли в подвале, то ли на мусорке, то ли уже здесь подсуетились. А вчера я колечко сняла да девчонку-медсестричку попросила мне телефончик купить... Господи, ну что ты глазами-то хлопаешь?

– Подвал, мусорка... – пробормотала Зинаида, пожимая плечами.

Яснее ясного – с подругой случилось нечто страшное. Зинаиду просто распирало от любопытства, но у Нюрки был такой вид, что Зина решила ни о чем ее не спрашивать. Когда Нюрка будет готова – сама расскажет, а то спросишь, и у нее чего доброго сердце не выдержит. Это ж надо – так уделаться! Понятное дело, подруге пришлось пережить не самые приятные в жизни минуты.

– А я ведь к тому старичку по адресу, что ты дала, не хо-

дила, – с излишней радостью повинилась Зинаида, пытаясь хоть как-то отвлечь подругу. – Подумала, чего там... зачем мне квартира да его картины... Я и сама могу картины изобразить, только надо красочки акварельные купить...

– Ты про какого старичка? – мигом переключилась Нюрка. – Про того с трешкой, что ли? Правильно и сделала, что не пошла. Он, оказывается, не ходит, нет. Он, Зин, бегают! По утрам. Организовал клуб из таких же старичков и вместе с ними носится. Тебе бы вовек вдовой не сделаться.

– Вот молодец! Люблю таких старичков! – всплеснула руками Зинаида. – Бегают! Всем назло!

– Ага. Только с любовью ты опоздала, у него какая-то зазноба молоденькая объявилась, он жениться собрался. Не судьба, видно, тебе...

– Да и ладно, – отмахнулась Зинаида и неожиданно для себя выпалила: – А кто тебя в каску-то обрядил?

Нюрка осторожно потрогала бинты на голове и покосилась на подругу:

– Это не каска, видишь же – бинтик. Мне его специально намотали, чтобы дырка в голове не просвечивала. Ой, Зин, меня же, между прочим, в твоём доме по голове-то приложили. Ещё и ногу переломали. Слушай, ты сигаретки не догадалась принести? Ну конечно, разве ты догадаешься...

Зинаида почувствовала себя неловко. А что сделаешь, если сама она не курит и в таких важных мелочах просто не разбирается.

– Я тебе яблочек принесла и еще... бананов, – проблеяла она.

Нюрка бананам не обрадовалась, села поудобнее, ухватила зеркало с тумбочки, недовольно фыркнула и накинута на Зинаиду:

– Тебе что, совсем неинтересно, что с подругой стряслось? Я лежу тут вся покалеченная, а ты даже не спросишь, как меня в подвал заманили и кто мне чуть голову не оторвал!

– А кто? – заворуженно выдохнула Зинаида.

– Да я откуда знаю! Вот это тебе и предстоит узнать. Ты ж у нас детективами занимаешься.

– Нюр, ну какой я детектив, так только...

– Ага! Мужу тогда за деньги преступников нашла? Скажешь, нет? И того, кто Танькиного сына чуть не убил, тоже отыскала. А когда родная подруга, можно сказать, головы лишилась...

Зинаида вздохнула. Да уж, были такие факты в ее биографии. По воле случая ей пришлось дважды раскрыть преступления. Только ведь вот что странно – сами заказчики были крайне недовольны ее работой, потому что они после ее расследований направлялись прямиком на скамью подсудимых. А теперь Нюрка решила подругу привлечь... Видимо, Тюрина тоже о чем-то подобном подумала, потому что посмотрела на Зинаиду как-то странно и медленно заговорила:

– Ты, Зин, того... Ты даже не думай, я не сама себя... У меня сто процентов алиби – я не могла себя по голове дол-

бануть, просто не достала бы.

Зинаида наметанным взглядом пригляделась:

– Нет, долбануть, конечно, не могла, но вот о лесенку головой или там... Нюра! Ну кто на тебя думает-то? Ой, прям дурочка такая! Да я и вообще никакого расследования не буду начинать, тебе к настоящим специалистам надо. Неужели из милиции не приходили?

– Приходили! И что? – с вызовом ответила Нюрка. – У них там сплошь молоденькие мальчишки, а я с такой расквашенной мордой! Ну и что, думаешь, им слишком хочется со мной возиться? И потом, ты подумала, как я с ними встречаться буду? Нет уж, пока я тут вся из себя больная, ты давай все узнай, а я их от себя отсылать стану, якобы еще без сил нахожусь. А когда у меня синяк с лица спадет, я им сама – раз! – и выдам информацию. Представь, как они ко мне относиться будут! Так что давай, спрашивай.

Зинаида колебалась. Не верилось ей, что она вот так возьмет и отыщет напавшего на подругу бандита. А Нюрка ведь надеяться будет, еще и милицию к себе подпускать не собирается...

– Хватит раздумывать! – дернула ее за рукав Нюрка. – Я вот что думаю – если они на меня один раз напали, так еще и во второй могут. И, между прочим, все это совершилось в твоём доме! Тебе самой-то не страшно? Я так, например, боюсь. И ты тоже бойся. И давай уже приступай, работай. Ну, спроси меня, когда это все случилось?

Пока Зинаида собиралась с мыслями, Нюрка сама начала отвечать, воображая, вероятно, себя героиней какого-нибудь детективного сериала:

– А произошло это все совершенно неожиданно, – играла она распухшими губами и строила глазки кому-то невидимому. – Я, Тюрина Анна Иванна, тридцати трех лет...

– Тебя, видать, сильно по голове-то... – не удержалась и перебила подругу Зинаида. – Каких же тридцати трех, когда мы с тобой одного года рождения, по сорок пять нам?

Нюрка злобно зыркнула на нее глазами, подергала носом и неизвестно перед кем извинилась:

– Простите, забылась, просто я себя чувствую именно на тридцать три. Ну так вот, иду я, значит, от Корытской Зинаиды, которой приносила адрес одного молодого человека. Направляюсь к моей машине, а она на пяточке стояла, то есть надо мне до конца дома топать. Но я на подъем легкая, топаю. И тут вдруг слышу – кто-то меня окликает нечеловеческим голосом...

– Стоп! Нюр, как это тебя нечеловеческим окликнули – по-собачьи, что ли? – не поняла Зинаида.

Нюра на несколько секунд выскочила из роли и торопливо пояснила:

– Нечеловеческим голосом это значит шепотом! Ты что, не читала – «Нам звезды шептали баллады любви»? Или еще: «Травы шепчут мне на ухо: ковыляй быстрее, старуха...»

– Хорошо, не отвлекайся. Значит, тебя кто-то шепотом окликнул...

– Ага, окликнул. Я и пошла. А там меня по голове ка-а-ак тюкнул! И все. И тишина. А потом слышу только, что кто-то моей больной головой ступеньки считает. Нет, ну больно же, ясное дело! Очнулась уже на помойке. Нет, Зин, ты только подумай: такую женщину – и на помойку! Конечно, богатые все стали, таким добром раскидываются...

Зинаида тряхнула головой:

– Так, Нюра. Теперь никуда не смотрим, только на меня, и отвечаем только на мои вопросы. Где именно тебя окликнули? В моем подъезде или дальше?

– Ну чем ты слушаешь? Я же сказала: прохожу мимо твоего дома, мимо первого подъезда... Да, точно, мимо первого, а ты в третьем живешь. Мимо первого. И так шепотом меня, нежно...

– Как? – насторожилась Зинаида.

– Я же говорю – шепотом. Нежно! – начала злиться Нюрка.

– Это я поняла. А вот какими словами окликнули? Как тебя называли: «девушка»? Или «женщина»? Нюра? Анна Иванна? Как?

Нюрка на минутку задумалась, а потом воскликнула:

– Ну, «девушка», конечно!

– Нюра, хорошо припомни, это важно. Понимаешь, если позвали «девушка» или «женщина», значит, это был, скорее

всего, человек незнакомый, который просто хотел у тебя кошелек вытащить. А если, к примеру, «Аня», значит, знакомый кто-то. А уж если «Нюра», так и вовсе самый близкий.

– Ты то есть, да? – догадалась подруга. – Нет, Зин, я не помню, как назвали. Но только у меня кольцо на руке было с брюликом, так его не взяли. И цепочку тоже оставили... А вот двести рублей из кармана умыкнули... и опять же – телефон... Нет, Зин, я еще, знаешь, о чем думаю... Ну хорошо, допустим, меня по голове шарахнули, потому что хотели деньги отобрать. А ногу зачем сломали? Чтобы я догнать не смогла? Ведь я и так без сознания была, не видела никого. Очнулась только на помойке.

Зинаида задумалась.

– Говоришь, никого не видела? Совсем ничего не заметила?

Нюрка фыркнула и всплеснула руками:

– Нет, ну я ж не кошка! Я от тебя ушла часов в девять, а ты вот выйди на улицу в девять, сейчас же в это время темно. Да еще в подвале! Конечно, я не могла разглядеть!

– А на какой помойке ты очнулась?

– У вас рядом с домом контейнеры мусорные стоят, так возле них. Чувствую – боль в ноге страшная, я как заору, а тут и еще кто-то со мной тоже заорал... Слушай, Зин, мне кажется, тогда ногу и сломали – на меня какое-то старое кресло кинули, я теперь вспомнила. Нет, я, конечно, даже смотреть не стала, сразу же – хлопс, и обратно в обморок. А по-

том слышу – меня кто-то по щекам лупит. Открываю глаза – кругом фары всякие от машин, врачи... А кресло рядом валялось, немножко в стороне, как будто его только что оттащили. И вот теперь я здесь. Да! Меня еще головой – тынц, тынц, тынц – об ступеньки долбили, это я тоже помню. И знаешь, я глаза тогда приоткрыла, а меня за ноги кто-то тащит. Правильно! Когда за ноги тащили, у меня еще ноги не болели. Слушай, а та-а-акой страшный тип тащил! Весь оборванный, грязный, а вонь...

– Так ты ж не видела ничего, темно ж, говоришь, было. Как же ты страшного углядела?

– Потому что от него та-ак несло! Нет, знаешь ли, красавцы так не воняют, это я тебе из жизненного опыта... – причмокнула Нюрка губами. – Ну Зин, я тебе уже половину преступления раскрыла: нашла, кто мне ногу переломил, – кресло. Тебе осталось всего ничего.

– Ага, начать и кончить... – буркнула Зинаида. Потом немного подумала и со знанием дела подвела итог: – Насколько мне подсказывает мой жизненный опыт... Короче, скорее всего получилось так: ты шла, тебя кто-то окликнул...

– Мужчина окликнул, шепотом, – быстренько поправила Тюрина.

– Ага, и ты зашла в подъезд, да? Нюрка, чего ж ты на каждого мужика-то кидаешься, а? Шла бы себе дальше!

– Нет, все-таки там была женщина, и я подумала, что ей нужна моя помощь, – быстренько переиначила рассказ Нюр-

ка.

Зинаида запыхтела. Подруга со своими ужимками всячески запутывала дело. Вполне может быть, через день она расскажет, что на нее напал красавец-разбойник, разбил ей голову, переломал ногу, но потом пленился ее красотой и вы звал «Скорую».

– Нюр, честно предупреждаю: если станешь врать, я не буду ничего расследовать. Кто окликнул – женщина или мужчина?

Нюрка засопела:

– Не знаю, голос грубый какой-то был. Я же говорю, громким таким шепотом меня позвали: «Анна».

– Уже лучше. Значит, все-таки «Анна». И что?

– Да ничего! Позвали, я подошла, а меня по голове!

– А по ступенькам «тыңц, тыңц, тыңц» когда было?

– Я сначала получила по голове, дальше не помню, так как потеряла сознание, потом сознание нашла... Да, я пришла в себя от боли – кто-то меня куда-то тащил, кажется, вверх. И снова провал в памяти... Зин, слышь, у меня, как в Санта-Барбаре у того миллионера, – все время потеря памяти, – гордо улыбнулась Нюрка, но, глянув на подругу, обиженно надула губы. – Нет, ну даже неприятно! А еще сон такой хороший снился...

Зинаида тоже вспомнила про сон.

– Сон в руку. Как мечтала, так и получилось – упала в катакомбы, но тебя спасли.

– Ты чо, совсем?! – вскинулась Нюрка так, что с ее тела сползло одеяло. – Мне же снилось, что меня голливудский красавец спасал и, между прочим, на руках нес к себе в спальню, а вовсе даже не выкидывал на помойку! И потом, из всего сна общее с действительностью только башка проломанная да еще нога. А где, спрашивается, прекрасный спаситель? Нет, я на такие сны не согласна! Я вообще больше никаких снов смотреть не хочу, раз так!

На возмущенные крики больной в палату вошла строгая женщина и сердито уставилась на Зинаиду:

– Время приема закончилось двадцать минут назад. Как вы до сих пор еще здесь, меня просто смех разбирает. Ну ничего люди соображать отказываются! Больным нужно покойство! Женщина, я вам говорю! Освободите немедленно палату от посторонних лиц!

Зинаида огляделась. Кроме нее и Нюрки на койке, никаких лиц в палате не было, разве только сама вошедшая женщина...

– Я сейчас освобожу, – догадалась Зинаида, что речь идет именно о ней, и сложила ручки пирожком. – Только хотелось бы узнать, как себя чувствует больная. У нее переохлаждения не случилось?

– У нее и так все на свете случилось! Перелом и ноги, и головы! Вот просто с ума схожу по этим людям – человек только-только шевелиться начал, а им еще и переохлаждение подавай! – буркнула медичка, вздевая к потолку шприц. –

Мне надо лекарство больной дать, освободите помещение от своего присутствия.

Зинаида заискивающе улыбнулась и принялась пятиться к двери задом.

– Я завтра зайду... Ты, Нюра, отдыхай...

– Приходи, Зина. Всех негодяев найди, а завтра мне положишь, – распорядилась Нюрка и накинулась на медсестру: – Чего это вы всех моих посетителей разогнали? Опять со своим уколом пришли? А вот не дам вам в меня иголкой тыкать, вы себя дурно ведете!

Зинаида не стала дослушивать Нюркино ворчание, а поспешила вниз по лестнице.

Всю дорогу она, уже чувствуя себя настоящим детективом, укладывала Нюркину информацию по мысленным полочкам и, сойдя на своей остановке, уже твердо знала – нечего впустую гадать, надо спускаться в подвал и осмотреть место происшествия. Конечно, милиция должна была уже все там осмотреть, но ведь кто знает, что им наплела эта бедовая Нюрка...

На улице стоял светлый день, поэтому Зинаида ринулась в первый подъезд без особой боязни.

Подвал здесь был плотно закрыт. Однако когда Зина потянула на себя дверь, та тяжело отворилась и даже не скрипнула. Дверь в подъезд Зинаида предусмотрительно открыла пошире, и видимость была хорошей. Лестница в подвал была грязной, естественно, никому и в голову не приходило прой-

тись по ней хотя бы метлой. Зато теперь ясно можно было видеть следы – их здесь имелось великое множество.

– Хм... странно... В подвал люди редко заходят, а тут народу топталось – тьма. Хотя чего удивляться, наверняка здесь уже побывал целый взвод оперативников...

Зинаида огляделась. О подвалах она слышала часто, но вот бывать в них ей не приходилось. Ничего интересного – сырость, какие-то здоровенные трубы, обмотанные светлыми тряпками, цементный пол, какие-то толстые балки...

– Интересно, а что там?

Зинаида осторожно продвинулась внутрь подвала – под самой угловой квартирой находился странный отсек, будто бы маленькая комната, даже стены, похоже, побелены. Ого! А здесь и топчан имеется, и матрас старый! Зинаида подошла еще ближе и в ту же минуту присела от резкого хлопка – дверь в подвал с грохотом захлопнулась.

Глава 2

Бабка надвое сказала

В нос ударила резкая вонь, что-то мелькнуло перед лицом, и в голове сверкнула мысль: «Крысы! Определенно сожрут».

– Уй-й-й! – сиреной завопила Зинаида и замолкла.

Рот ей грубо заткнула чья-то рука.

– И чего орать? Чего народ тревожить? Тихо, говорю! – над самым ухом прошипел чей-то бас.

«Не крысы, слава богу», – облегченно выдохнула женщина и смело отбросила руку.

Перед Зинаидой стоял здоровенный детина в коротенькой фуфайке и в синих замызганных штанах, когда-то бывших спортивными. Щетина так густо покрывала его щеки, что при слабом свете, пробивающемся сквозь щели, лица и вовсе было не разглядеть, только глаза хищно сверкали из-под черной кроличьей шапки.

– Вася, ты, что ли? Запомни: руки надо мыть, прежде чем женщину хватать. Ты ими неизвестно что делал, а меня цапаешь!

Да-да, перед Зинаидой стоял бездомный господин Василий, которого во дворе знали даже кошки. Каждая старушка считала своим долгом накормить черствым хлебушком голубей, собак и Васю. А сама Зинаида даже однажды подарила

Васе свою старую куртку. Кто знает, куда он ее приспособил, но вещицу взял и буркнул: «Благодарю вас, прекрасная краля».

– А чего это вы, сударыня, у меня здесь без спросу гостите? – недовольно проворчал Василий, переминаясь с ноги на ногу. – Я вас на randevу не приглашал.

Поговаривали, что Вася в прошлой жизни был учителем литературы, пока вдрызг не проигрался в карты. Правда то или нет, бог ведает, но при каждом удобном случае мужчина щеголял словарным запасом.

– А как тебя спросишь? – уверенно наседала Зинаида. – Я и пришла спросить, а тебя дома нет.

Раньше она не представляла, как можно жить в подвале. А теперь видела – у бомжа устроена очень неплохая комнатка, даже матрас имеется. Надо будет Васе еще одеяло старое отдать, все равно без толку валяется.

– А чего спрашивать? Трубы, что ли, протекают? Зачем ко мне-то? Здесь недавно слесаря шурудили, покоя никакого нет. Прямо как в музей, как в музей. Где пристанище найти бездомному путнику жизни? Где, я вас спрашиваю?

Вася театрально взмахнул рукой, обдав гостью новой волной специфических ароматов.

– Вась, ты это... Хочешь, я тебе мыло подарю? Хорошее, с земляничным запахом. Только ты сейчас не маши руками, а то просто дышать нечем, – сморщилась Зинаида.

Завидев, что мужчина обиженно потопал в свою комнат-

ку, она устремилась следом и защебетала:

– Васенька, а я ведь к тебе за помощью пришла. Только ты и можешь помочь!

Доброе сердце Василия не позволило ему выставить даму на свет божий.

– Ну и чем я могу быть полезен? – развернулся он, потом вдруг спохватился и указал на матрас. – Прошу, присаживайтесь! Вшей нет, травлю чесноком.

– Спасибо, – мотнула головой Зинаида. – Я лучше так, стоя. Вася, вспомни, к тебе тут женщину недавно забрасывали, ты случайно не видел – кто?

Василий забегал глазами, лицо у него сделалось несчастным, а пальцы стали нервно теревить какую-то веревку.

– Никого ко мне не забрасывали. Здесь же не вражеский стан! Живу себе и живу, ничего...

– Вася, если сам все не расскажешь, придется привлекать добровольцев из милиции. Чего боишься? Ты же меня знаешь, я в этом доме живу, курточку тебе еще отдавала. Ну, помнишь? Я – краля, понимаешь?

Василий смотрел на нее удивленными глазами и понимать ничего не хотел.

– Вася, ну посмотри, я – краля, – радостно светилась, повторяя, Зинаида.

– Господи, чего только бабы про себя не возомнят... – пробубнил Василий себе под нос и снова уставился на Зинаиду. – Я очень рад. Но... А давайте я вас чаем угощу!

Он вдруг засуетился, вытащил откуда-то ящик и выставил на него аккуратно вырезанные из пластиковых бутылок стаканчики. На импровизированном столе появился старый замусоленный чайник с кривым носиком, а в углу комнатки Вася стал разводить огонь на самодельной горелке.

– Сейчас чаек вкусим... У меня, правда, сервизов не имеется, и сахар не совсем свежий, зато чай настоящий, сам покупал.

Чай на самом деле был нормальный – пачка вполне приличной «Принцессы», а вот что такое «несвежий сахар», Зинаида поняла не сразу. Оказалось все просто – обычный сахар, только большими кусками, и эти куски уже кто-то сосал или лизал. Во всяком случае, они были неопределенной формы и цвета.

– Благодарю от всей души, – перекинулась гостья. – Только... я совсем недавно из-за стола. Давай уже сразу по делу. Так мы договорились, что ты мне все рассказываешь про женщину и никого не боишься? Я тебе ничего не сделаю, видишь, у меня даже пистолета никакого нет!

– Пистолета не вижу, но...

– Опять «но»? – не выдержала Зина. – Хорошо, я иду в наше РОВД. Скажу... скажу, что ты наркотиками торгуешь, вот!

– Ха! Нашла наркобарона! – фыркнул мужчина. – Да ты знаешь как живут? А я тебе сейчас наговорю, а меня потом посадят невеста за что. Даже в суде на себя можно показаний

не давать, разрешают. А тут – нате вам, добровольно возьми себя и оговори!

– Ну хорошо, – «смирилась» Зинаида. – Я в РОВД ходить не стану, нашей Ларисочке из соседнего подъезда ляпну про тебя, она уже давно сенсацию ищет, чтобы Лукова продвинуть. Ой, она такого навывдумывае-е-ет...

Теперь Вася взволновался всерьез.

– Не, ну чего мне говорить-то? Мне вот эти сенсации... И ни при чем я тут! Та женщина ко мне уже, можно сказать, полумертвая поступила, я ее на улицу выволок, а меня за доброе дело еще и засудят. Ничего я не скажу!

– Вася, никто на тебя не думает. И потом, та женщина – моя подруга, она вовсе даже не погибла, она в больнице. Просто надо найти того, кто ее к тебе... доставил. Да неужели ты не понимаешь?! Тебя же самого кокнуть могут в любой момент!

Вася хотел еще поупираться, но потом до него дошел смысл Зинаидиных слов, и он возмущенно вскинулся:

– Уж позвольте! За что меня кокать? Я совершенно ни при чем! Я личность абсолютно безвредная, без вредных привычек, и даже, можно сказать, полезная – дом от пожаров берегу, подвал от грязи всякой. И вообще... Что вас интересует? Кто эту даму в подвал бросил? Так я вам вот что сообщу: я ничего не видел! Как раз в тот вечер я ходил на просмотр сериала «Некрасивая», а потом вернулся...

– Интересно знать, куда же это ты ходил? В киноцентр? –

прищурилась Зинаида. – Вот врет и врет! А еще воспитанный человек называется!

– Почему «врет»? – всполошился Вася. – Магазин «Искра» знаете? Он круглосуточно работает, а в окне, в витрине, телевизоры выставлены. Я там частенько «Новости» смотрю, «Утренний кофе» опять же. А в тот вечер «Некрасивую» лицезрел. А потом домой пришел, а возле лестницы, боком так, дама валяется. Тут лесенка-то маленькая, всего пять ступенек, видать, оступилась и того... Я сначала решил, что она сильно подшофе, ну мало ли, думаю, спьяну дверью ошиблась. А потом пригляделся, а она лежит как неживая. Я испугался, честно скажу. Недостойно с моей стороны, но поддался страху. А потом поразмыслил: кто из верхов узнает, разве мне поверят, что это не я ее, того... Конечно, не поверят! Еще и выселят, и бегать тут будут постоянно. А жить мне где? Я уже и знакомой пообещал, что у меня жить будем. Ну и... я еще подождал чуток, с час примерно, чтобы народу меньше было, а потом ее так осторожненько за ноги взял и вытащил на улицу.

– К помойным бакам?

– А куда еще? Там людей много ходит, непременно кто-то да натолкнется. И потом сам видел – «Скорая» там кружила, значит, увезли женщину. Я невиновен! Только разве мне кто поверит?!

Зинаида вспомнила рассказ Нюры и качнула головой:

– Поверят. Нюрка говорила, что ее сначала по голове уда-

рили, а вонь она потом унюхала, когда ее головой об ступеньки... Чего ж ты, голову женщине придержать не мог?

– Так я ведь торопился, быстрее надо было, – оправдывался Василий. – Да и не видел я, что она головой-то...

– Вася, вспомни, ты никого перед тем случайно не заметил? Или, может, шорох какой слышал? Кто-то же ее с лестницы бросил!

Василий наморщил лоб, и кроличья шапка немедленно съехала на глаза.

– Не могу сказать... Вроде видеть никого не видел, но... Понимаете, барышня, было у меня ощущение, что я не один... Я ведь сначала удачно эдак мимо вашей знакомой проскользнул, сами ж наблюдаете – здесь ни хрена, ой, господи прости... ничего не видно здесь, говорю. Она за лесенкой валялась, я и прошел в комнатуху-то. Потом шорох мне послышался. Я даже сперва и не насторожился, решил, что крысы шебуршат. А после вроде как дверь скрипнула. Вот тогда я вскинулся, думаю – если опять подростки, спуску не дам, у меня тут уже и... Короче, жду, значит – нет никого. Я пошел дверь закрыть, вот тут вашу кралю и обнаружил, глаза-то к темноте привыкли.

– А на улицу не выскакивал? Чтобы посмотреть, кто ее забросил?

– Разлюбезная моя! Какой смысл? Шорох-то я задолго до того слышал, а у нас тут за дом зайди, и сразу остановка автобусная. А на той остановке народу – туча. Что ж мне, к каж-

дому с персональным допросом обращаться? Не-а, не выходил. И еще это ж не в моих интересах было. Поднял бы шум, наехала б милиция, меня бы под белы ручки – и адье!

Зинаида поежилась. Значит, кто-то здесь был. И дверь в подвал открывается легко, только поддеть как следует...

– Мне мыслится, что дамочку вашу прикончить собирались, – продолжил Вася, – и только я, выступив в роли ангела-хранителя...

– А деньги из кармана зачем спер, ангел? – сурово уставилась на него Зинаида. – И телефон? Ты что, томишься без сотовой связи?

Василий стыдливо замялся, а потом нашелся:

– Мадам, ну что у вас за жаргон! Почему именно спер? Я просто подумал: за свою спасенную жизнь женщина непременно захочет меня отблагодарить. Правильно ведь? А как она меня отблагодарит, если не помнит внешности своего спасителя? Вот и будет она потом казниться. А так... да, взял и тем избавил ее от душевных терзаний. Дамочка-то состоятельная попалась, сразу видно, обиделась бы, что ее жизнь в каких-то двести рублей оценили. Потому пришлось и телефон прихватить. Телефончик я продал и... Но все равно недостаточно. «Дороже стоит граф!» Вот видите, Лопе де Вега так же думал.

– Может, и думал, но уж по карманам точно не шарил...

Зинаида машинально мотнула головой. Василий, судя по всему, не врал. Он увидел Ньюку, обчистил ее карманы и

попросту отволоку подальше от своей берлоги. Там, у мусорных баков, уже ее и обнаружили.

– Кто же затолкал ее в подвал?

– Вот что, мадемуазель, – прервал Зинаидины мысли вслух бомж, – вы мне обещали подарить мыло, но оно мне на фиг не нужно, прошу прощения. А вот кастрюльку бы мне, чтобы пропитание варить... Дадите? Тогда я вам одну ценную мысль подарю.

Зинаида быстренько прикинула, с какой из кастрюль ей не жалко расстаться, и решила, что позаимствует таковую у своих соседей Поповых. Во-первых, потому что кастрюль у них – как в заводской столовой, штук пятьдесят, наверное, во-вторых, потому что они и сами не знают, куда их деть, а в-третьих – они все равно питаются в баре Зинаиды. Ну и самое главное – их кастрюль Зинаиде не было жалко ничуть.

– Хорошо, завтра же преподнесу вам кастрюлю, – торжественно пообещала она. – Какая там у вас мысль?

– Во втором подъезде, рядом с вашим, на первом этаже бабулька живет. Она в далекой юности помогла задержать спекулянта, и ее наградили мешком сахара. Так теперь старушка сидит у окна и несет вахту – все надеется, вдруг ей посчастливится еще кого-нибудь узреть, и ей второй мешок с сахаром припрут. Так что, если кто-то подозрительный возле дома нашего был, мимо нее не должен незамеченным проскочить, я вам ручаюсь.

Зинаида с досады крякнула. И в самом деле, как же она сама не вспомнила о Глафире Ферапонтовне. Та – местный Железный Феликс. Про старушку во дворе ходят легенды, басни и анекдоты. Вот к кому надо было обращаться в первую очередь.

Не заходя домой, Зинаида направилась к бабушке на первый этаж.

– А ее дома нет! – выкрикнул веснущчатый паренек. – Она в магазин, за пленкой, отправилась.

– За какой пленкой? – не поняла Зинаида.

– За обыкновенной, за «Кодаком». Она всегда фотографирует «интересные объекты», а потом нашим родителям сует. Меня два раза фотографировала – когда я летом мячом в чью-то чистую простынь попал, вон там, где белье сушится, и еще когда на лавке ногами скакал. Мне отец тогда велик не купил, сказал, что от соседей одно позорище.

Зинаида понимающе кивнула. Глафира Ферапонтовна не только блюла за порядком очами, но и собирала доказательства.

– А вы, если хотите, можете сейчас ей в почтовый ящикдохлую мышь бросить, – посоветовал парнишка. – Мы всегда ей бросаем, когда она из дому выходит, у нее же щель от ящика сразу в прихожую выходит.

– Спасибо, – растерянно поблагодарила Зинаида. – Только... мышь-то я и не взяла, не побеспокоилась.

– Это вы зря, конечно, а другим ее ничем не проймешь, –

сочувственно прочмокал губами собеседник и унесся по своим мальчишеским делам.

Зинаида немного потопталась, позвонила на всякий случай в дверь, но парнишка был прав – дома никого не оказалось. Ну что ж, Глафира Ферапонтовна все равно вернется, можно будет вечером к ней заскочить... Нет, не вечером, нечего шататься по темноте! Нюрка вон даже до машины дойти не успела. Зинаида сейчас забежит домой, быстренько запишет в тетрадочку все, что узнала, чтоб не забыть какую-нибудь мелочь, а потом сразу к старушке.

Женщина так лихо рванула домой, что врезала подъездной дверью по морде собаке, которую вел на прогулку почтенный сосед, выбила пакет с мясом из рук какого-то ответственного семьянина и чуть не сшибла с ног Нелю, которая несла Дашеньку. Соседскую собаку она потом потрепала по загривку, перед мужчиной извинилась и подняла с пола грязное мясо, а Дашеньку отчего-то выхватила из рук очумевшей Нели и затараторила:

– Неля, быстро беги гулять с девочкой, а у меня дела. Мне надо такие наблюдения записать, с ума сойдешь! Да, долго по улице не шатайся, у нас тут такие люди толкаются, сплошь маньяки и убийцы. Только... никому не слова! И забери Дашеньку, мне же некогда!

Перепуганная вусмерть Неля резко изменила направление и резво понеслась за Зинаидой домой.

– Зин, а чего случилось-то? Кто толкается? Тише, Да-

шенька, не плачь, дитятко... Зинка, холера такая! Кто у нас преступник-то?

Зинаида поняла, что сболтнула лишнее. Жизнь уже научила ее, что подвоха можно ожидать даже от самых милых соседей. Теперь она не собиралась доверять никому, по крайней мере пока не отыщет преступника. Поэтому она резко остановилась, вытаращила недоуменные глаза и высокомерно фыркнула:

– Неля! Хочу тебя огорчить – у тебя начались старческие галлюцинации. Я ничего сейчас не говорила, только извинилась. А тебе что послышалось?

– А-а... мне послышалось, что преступники... террористы... маньяки... Нет? Я вот недавно по телевизору слышала...

Дальше Неля подробно стала пересказывать, какие страсти произошли на территории региона за истекший месяц. Зинаида передохнула – можно надеяться, что Неля выкинет из головы ее непростительную оплошность.

Дома одетая в шелковый халат Юнона плавала по комнатам и упоенно, безнадежно фальшивя, выла какую-то мелодию.

– Зиночка, как великолепно, что вы появились, – искренне обрадовалась она. – Сегодня как раз ваша очередь приготовить чаепитие. Могу посоветовать вам к чаю говяжью вырезку. Ее если в молочке замочить, потом молоточком отбить и в сухариках обвалить, очень вкусно получается, Гриша так

любит.

Почему-то всегда на выходные Зинаиде выпадало дежурство. А на чаепитие в эти дни, тоже непонятно почему, принято было готовить что-то мясное.

— Простите, я сегодня работаю. У меня ненормированный день, — тяжело вздохнула Зинаида и с самым несчастным видом поплелась к себе.

— Вот и ладно, — кричала под дверью Юнона. — Ужин приготовьте, а потом бегите работать. Вы еще успеете.

Зинаида предпочла не расслышать.

Она раскрыла тоненькую тетрадку, которая осталась еще с прежних расследований, вытащила из-под дивана ручку и задумалась. В сущности, картина вырисовывалась следующая: Нюра направлялась к машине, проходила мимо первого подъезда, и ее окликнул грубый голос. Грубый голос мог принадлежать как женщине, так и мужчине, здесь все ясно. Дальше — ее ударили чем-то по голове... Ой, и почему Зинаида не спросила у Василия, не находил ли он под лестницей или у подъезда тяжелых предметов? Надо будет спросить, когда кастрюлю понесет. Итак, Нюрку бьют по голове... Зачем? Хотят ограбить? А потом просто не успевают? Рискованно. Нет, Вася прав: Нюрку ограбить вовсе не хотели — ее собирались убить. Только бомж спугнул мерзавца. Скорее всего, когда появился Вася, преступник еще находился там, за лестницей, вместе с Нюркой... Ну а что было потом, ясно — Вася, обнаружив «подарочек» на своей территории,

до смерти пугается, что его заподозрят, вытаскивает Нюрку к мусорным контейнерам, а там ее находят, вызывают медиков и милицию... Вот хорошо, что кому-то срочно потребовалось выкинуть ночью кресло, а так бы, пролежи Нюрка до утра, кто знает, что бы с ней стало...

– Зиночка! Мясо уже разморозилось! – вежливо напомнила о себе Юнона через закрытую дверь. – Как вы думаете, Зиночка, может, переложить сегодняшнее дежурство на плечи Нели? Думайте скорее, а то Григорий Фадеевич должен скоро с работы прийти.

В прихожей что-то загремело, шлепнулось и раздался возмущенный глас Нели:

– Нет, Зин, ты слышишь, да? Ее мужик больше всех жрать хочет, а я ему готовь! Зин, слышишь, что говорю? Юнона, а ну быстро к плите! Ходит тут в халатах китайских, как гейша, прости господи... Дашенька, не плачь, детка... тетя нехорошая, она мамочку нервирует...

Услышав, что соседки разбрелись по своим делам, Зинаида на цыпочках вышла из комнаты, ухватила пальто и выскользнула за дверь.

Теперь она неслась к Глафире Ферапонтовне.

Старушка, вероятно, только прибыла, потому что была еще закутана в шаль, когда приоткрыла на звонок свою дверь. Предусмотрительная бабушка выглянула в маленькую щелку, смерила Зинаиду цепким взглядом и безошибочно отчеканила:

– Корытская Зинаида Ивановна, сорока пяти годов, прописалась в нашем доме два года назад, первой группы крови.

– Ага, резус отрицательный, – произвольно добавила Зинаида.

– Входи, неча сквозняки гонять, – позволила старушка и загремела цепочкой.

Прихожая хрупкой бабушки больше всего напоминала камеру пыток – здесь аккуратно прислонился к косяку заржавелый топор с мощным топорischem, рядышком стоял молоток, на гвоздике висели две палочки на веревке, такие Зинаида видела в китайском боевике, и еще две бейсбольные биты прилежно торчали прямо возле двери. Зинаида просто глаз не могла отвести от такого арсенала.

– Это чтоба не лезли, – поджала сморщенные губы миниатюрная бабушка. – Кто знат, с кем придется свидаться, народ-то сейчас знашь какой пошел! А у меня прохфезия не спокойна.

– А вы... разве ж вы с такой-то битой управитесь? Вас же ею и того... по головушке-то... – не удержалась Зинаида.

– А вот и фигушки! – злорадно вытаращила глазки бабулька, скинула шаль, ухватила две палочки на веревочке и начала выделывать ими такие кренделя, что нижняя челюсть Зинаиды упала на шелковый шарфик.

Глафира Ферапонтовна с гиканьем крутила палочки, ловко перехватывала их руками и скрюченными ножками быстро перемещалась по маленькому коврику в прихожей. Зина-

иде немедленно захотелось вежливо попрощаться и отбыть к себе.

— Ну как? — тяжело дыша, спросила бабулька, вешая папочки на место. — Чаво рот-то раззявила? Глянется тебе моя сноровка?

— А то! — криво перекосило Зинаиду.

— Я нарощно уроки брала. Китаец был самый что ни на есть настоящий. Такой мастер был, такой мастер — один против девятерых управлялся... Царствие ему небесное. Плавать не умел, утоп. А ты, девонька, проходи, сейчас и помянем его, узкоглазого.

Зинаида молча кивнула и безропотно продвинулась в комнату.

— Ты в кухню ступай, у меня там окно большое. А в комнате никудышное окошко, вон тот угол двора совсем плохо проглядывается, давеча пялилась, пялилась...

Зинаида перебралась на кухню, где хозяйка уже выставила на стол угощения, не забывая косить одним глазом в окно.

— Ну садися, говорю же — помянуть надо.

После первой и единственной рюмочки бабушка Глафира покраснелась, заблестела глазами и, хрустя огурцом, спросила:

— Ну и чего, Зинаида свет Иванна? За какой нуждой ко мне? Вот пригляжусь к тебе сейчас, пригляжусь, а соблажить не могу. Когда ко мне другие-то бабы приносятся, я их с одного маха раскусываю: Вальке Сидоркиной про сво

мужика узнать интересно, не гуляют ли; Бобовой надо знать, чем ее сынок занимается, не пьет ли, травкой не балуется ли; а Коркина из четвертого подъезда – ну така коровиста, помнишь? – та про всех жильцов гадости узнает. Ой, ну до чего ж баба вреднючая! Насобирает сплетен, а потом выйдет на самую середину двора и давай всех помоями обливать. Так и брызжит, так и брызжит злобою! Я ей всегда говорю, что за ей участковый следит, она тогда смирная делается. А вот тебя чего ко мне принесло?

– А что, участковый и в самом деле за Коркиной следит? – на всякий случай уточнила Зинаида.

– Да на кой ляд она ему сдалась? – отмахнулась бабушка. – Не бывает его тута у нас! Не, вру, аккурат в прошлу неделю здесь в первый подъезд приезжали и участковый наш, и ишо какой-то мужик с им. Я все блюла, думала даже, грешным делом, что убили кого, пришлось поспрошать. Оказалось, нет, не убили, токо по голове приложили. Ну вот и как жа тут без молоточка в прихожей-то?

Зинаиде не хотелось раскрывать карты. Может, так из бабушки удастся вытянуть нужные сведения. Поэтому она поддела на вилку огурец, повертела его перед носом и совершенно равнодушно поинтересовалась:

– А вы не усмотрели, кто ее по голове приложил? Мне говорили, вы все примечаете.

– Примечаю, а как же, – согласилась бабулька. – Токо тут вот сплеховала. Не углядела. Да и как углядишь – я только

проснулася, а возле первого подъезду уже милиция топчет-ся! Видать, вечером дело-то приключилось. А у меня рабочий день до семи. Стало быть, я свое оконное наблюдение токо до семи веду, позже ведь не видать не черта. Я уже говорила нашему управдому, вкрути, мол, фонари здоровые, чтоб видно было как днем. Говорю, всем же удобно будет. Люди не будут пугаться ночью ходить, а ежели кого и споймают, дык я ж в один присест бандитов милиции сдам. Так ведь этот ирод никак не хочет народного-то блага! Вот и приходится работать токо до семи.

Старушка так расстроилась, что вперилась взглядом в окно и надолго оставила Зинаиду без внимания, будто именно та не захотела вкрутить те самые здоровые фонари. Гости поерзала на стуле, погромела ложечкой, хозяйка никак не реагировала, пришлось звонко хлопнуть ладошкой о стол и зычно заявить:

– А и в самом деле! Отчего это наш управдом не заботится? А если ему на вид поставить?

– Кого? – охотно повернулась старушка. – Кого ты ему поставишь, они сейчас, знашь, молодые-то, всякого навиделись.

Глафира Ферапонтовна повернулась, значит, можно было выпрашивать дальше.

– Я вот тоже про ту несчастную из первого подъезда слышала, – начала Зинаида, ковыряя вилкой квашеную капусту. – Ой, вы знаете, так испугалась, так испугалась... Ду-

маю: вот хожу с работы вечерами, а кто-нибудь так же – тюк по голове-то. Да еще, не дай бог, силы не рассчитает, и либо вообще погибнешь в самом соку, либо будешь какой-нибудь... только на рефлексках будешь жить... Вы у нас во дворе никого случайно подозрительного не замечали?

Бабуся пожала плечами и разумно заявила:

– Это смотря по какому делу подозрительный. Вот, к примеру, у Севастьяновых дочка, всегда с папочкой ходит, вроде как ноты у ее там, а сама каждый раз с этой папочкой в дом напротив бегают.

– Так, может, там ее учитель по музыке живет, – предположила Зинаида.

– Может. Токо никаких там учителей не проживало отродясь. У нас во всем дворе два учителя – Марья Трофимовна, она на пенсии уж, да бич этот, как его... Вася. А в том доме зато Витька проживат. Такой оглоед, прости господи... Вот тебе и подозрительно. А тут ишо...

– Да и ладно с Витькой этим. Возле нашего дома и подъезда никто незнакомый не крутился? Может, высматривали кого или ждали? Или...

Старушка невозмутимо облизала пустую ложку:

– А как жа! И возле нашего дома крутились. Сидела одна молодка на вашей скамейке, возле вашего как раз подъезду, да все голову вверх задирала, видать, ждала кого-то.

Зинаида сникла:

– Наверное, и в самом деле ждала.

– А кого? Я у вас в подъезде, почитай, каждую собаку знаю. Молодых у вас не водится, чтоб подружек приводить, все уже перестарки, самые молодые – вроде тебя. Родственников таких тожа не наблюдается – люди здесь по сто годов живут, к им каких токо родичей не приезжало. А вот энта новехонька совсем была, незнакомая. У меня-то ить знашь, кака память! Один раз гляну – все, почитай сфотографирула!

– Но все равно... – не могла согласиться Зинаида. – Де-вушка как-то подозрений не вызывает. Могла просто идти, устала, присела на скамейку возле нашего подъезда...

– Ага, и ну по окнам глазами зыркать, да? Я вот жалею, что тогда пленки в фотоаппарате у меня не было, кончилась, а то б я... Вот так наводчицы и работают. Кого б у нас ограбили, а я уж тут как тут была бы, с пленочкой – нате, пожалте! Токо нету пленочки. А та молода бабенка посидела, потом подъехала машина, она туда занырнула, ее сграба-стали и увезли.

– Но это днем было или вечером?

– Днем. Говорю ж тебе – не работаю я вечерами-то.

Зинаида тяжело вздохнула – не могла молодая женщина накинуться на Нюрку, если ее увезли еще днем. Выходит, не так уж и все известно бабе Глаше.

– Ну что ж, спасибо за угощение, – поднялась Зинаида. – Если вспомните что-нибудь интересное – звоните, мой телефон...

– Ага, давай-ка запишу, завсегда приятно с умным-то человеком побалакать. А ты, коль дело-то раскрутишь, не поленися ко мне забежать. Уж больно мне интересно – кто ж у нас так фулюганит, стервец.

Зинаида от удивления подергала бровями, но Глафира Ферапонтовна просто добавила:

– Да ты по-рыбьи-то ртом не шамкай, у нас во дворе, почитай, каждый знат, что ты того гада вычислила, который в вашей коммуналке жил. Уважаю! – хлопнула бабушка Зинаиду по плечу и расцвела всеми морщинками.

Зинаида только криво улыбнулась, как-то по-старомодному поклонилась и выскочила за дверь. Да уж, был такой момент, Зинаида расследовала дело. Но что об этом судачил весь двор, она и предположить не могла.

Дома пахло горелым мясом и луком. Зинаида вдруг вспомнила, что кроме загнувшегося огурца и кислой капусты у бабушки Глафиры она ничего не ела, и заторопилась к себе в комнату. Там, в столе, у нее всегда была припрятана палочка колбасы – осталась привычка еще с времен прежних жильцов, когда те пользовались ее холодильником чаще, чем своим.

– Зинаида! Немедленно к столу! – раздался властный приказ Григория из кухни.

Зинаида проблеяла что-то невразумительное, и тогда мужчина заявился к ней в комнату самолично:

– Что еще за выкрутасы? Значит, всего наготовила, а есть

не собираешься? – грозно спросил, тщательно пережевывая кусок, который едва умещался во рту. – Сейчас я лично, этими вот руками...

Зинаида не стала дожидаться, когда Гриша пустит в ход «эти вот руки», быстренько пригладила волосы и направилась в кухню.

За столом уже сидели две дамы – Неля и Юнона, аккуратно тыкали вилочками в большую сковородку, где большими ломтями было нажарено мясо.

– Вот, Юнона, учись – и простенько, и вкусно, – кривился Григорий, пытаясь прожевать резиновый кусок. Потом стрельнул на Зинаиду лукавым глазом и прошамкал: – Зиночка, мне надо было на тебе жениться, всю жисть бы как лев жил – одними коровами питался! Как готовишь, как готовишь...

Зинаида терзала вилкой свою порцию «вкуснятины» и лениво отбrehивалась:

– Я вообще-то никак не готовлю... некогда мне... Сегодня Юнона ваша или Неля постарались...

У Гриши немедленно перекосилось лицо, и он обвел дам пристальным взором:

– Так, признавайтесь, кто из вас мясо испохабил?

Неля даже ухом не повела, уплетая за обе щеки, а вот Юнона Васильевна покраснела, вытянула шею и робко созналась:

– Ну я это, Гриша. А чего? Ты ж только что Зинаиду на-

хваливал?

– А ничего! – рыкнул Попов. – Я ж думал, она свой продукт приготовила, значит, мы, стало быть, сэкономили. За одно это и хвалил. А ты тут... Мало того, что холодильник нараспашку, запасы разбазариваешь, так еще и готовишь так, что еда в глотку не лезет! Один кусок уже полдня жую, как верблюд какой!

Разгневанный Григорий ухватил руками со сковороды еще один кусок и с грохотом вышел из-за стола.

– А по-моему, вкусно... – растерянно пролепетала Юнона.

– Ну да, только... только изнутри сырое мясо выглядывает, а сверху... – прокомментировала Неля, не переставая работать челюстями.

Однако с непрожаренным куском даже ее зубы не справились, и, не слишком задумываясь, Неля выкинула кусок в форточку. Такое разбазаривание продукта привело Юнону в состояние, близкое к истерике:

– Не нравится, не ешь! – со слезами в голосе выкрикнула соседка и в сердцах выдернула сковородку со стола и брякнула ее обратно на плиту.

Неля такого поворота событий не ожидала.

– Нет, ну куда убрала-то? – вытаращилась она. Потом вдруг сморщила лицо и плаксиво заголосила: – Во-о-от, да же мя-яса жалко... Мы с Дашенькой, может быть, всю жизнь на одной чечеви-и-ице держимся-я-я, а эта буржуйка... Поставь сковороду на место!

Юнона утешила уязвленное самолюбие, водрузила угощение на стол и сочла нужным провести воспитательный процесс:

– А я, кстати, давно хотела тебе указать, Неля! Сама-то ты, конечно, можешь и на чечевице жить, но вот ребенка голодом морить...

– Чего эт я голодом? – возмутилась Неля, забыв про слезы. – Дашутка у меня, может быть, такие деликатесы вкушает, какие ты и не пробовала! Сама не доедаю, а ей...

– Вот то-то и оно – суешь девчонке, что сама не доела!

– А я говорю: Дашка у меня питается как на убой! Она, знаешь, сколько весит... она скоро меня перегонит!

– Я, конечно, не спорю никогда, но чтобы тебя, Неличка, перегнать, надо по центнеру силоса в день съедать, – перекинулась Юнона и назидательно продолжала: – Не знаю уж, как ты ее там кормишь, но ребенку нужно полноценное питание. И, опять же, развитие достойное. Ну вот что за безобразие – уже полтора года девчонке, а она даже говорить не хочет!

Неля запыхтела паровозом: готовилась дать серьезный отпор, но рот был занят. От новой порции наставлений Юноны Нелю спас звонок в дверь.

– Ну и что это за выкидыши из окна?! – свирепо шурился сосед с нижнего этажа, двумя пальцами отдирая непрожеванный Нелин кусок со своей вычурной шляпы. – Я, главное дело, к своей пассивности собрался... то есть мы с ней в театр со-

брались, а тут на меня выбрасывают всякие помои! Я теперь как мусоропровод у вас, да?! Так, я немедленно иду в милицию! Пусть они вас всех выселяют оптом!.. Хотя не, вот эту тетку можно оставить, – ткнул он толстым пальцем в сторону Зинаиды. – У вас портвейн дешевый. А вы...

И он снова задохнулся.

– Вот, – победно вытаращилась Неля на Юнону. – И ты мне еще говоришь, что умеешь готовить! Обычный человек с улицы и то сразу сказал: мол, твое кушанье – помои!

– Так вы на меня вот эти куски... А что они вообще такое? Птенцы дохлые, что ли? – брезгливо сморщился парень.

– Не птенцы, а, простите, часть коровы...

Глаза у парня стали наливаться кровью, и Зинаида срочно бросилась спасать ситуацию.

– Знаете, вы со своей пассией ступайте вместо театра в наш бар. Там сегодня новый портвейн завезли! Я сейчас позвоню, и вас обслужат по высшему классу! В театр вы все равно опоздали, а в наш бар можно и того... вовсе без голов... я имею в виду – вовсе без шляпы!

Парень помялся, потом выторговал двадцатипроцентную скидку и только после этого удалился.

Юнона облила Нелю высокомерным взглядом и процедила:

– Тебе, Неллия, надо ребенка в садик сдать. Пусть девочку воспитывают порядочные люди, которые в окна говяжьей не кидаются. Чему Дарья у тебя научится? Да и тебе не

дело дома киснуть. Тоже мне, мадонна с младенцем... Надо выйти на приличную работу, получать хорошие деньги, а потом...

– Нет! Ты мне скажи сначала, где ту приличную работу найти, – прожевала наконец мясо Неля. – Какой идиот мне хорошие деньги платить станет, если у меня образование незаконченное низшее? И про садики... Я вон по телевизору смотрела – если нам сейчас в очередь встать, она как раз ко второму классу подойдет. Умная прям такая вся! Своих детей не завела, советуешь... И забирай свое мясо! Ишь, пожалела, его вон даже кот есть не хочет! Господи, и чего только не наешься, чтобы сохранить соседские отношения...

Зинаида посмотрела на Мурзика. Хлебосольная Юнона и ему выделила кусочек говядины. А может быть, просто уронила. Во всяком случае, перед котом лежал кусок, и котяра брезгливо трогал продукт лапой, решая, поиграть с этим сухариком или уже взвыть и попросить нормальной еды.

– Зинаида, не выходи замуж, – задумчиво проговорила Юнона, подперев щеку. – Оставайся вечной девушкой на выданье... Ну или просто девушкой...

Зинаида поблагодарила соседку и осторожно поинтересовалась, как бы между прочим:

– Мне никто сегодня не звонил?

Тут же в дверях кухни появилась голова Григория.

– Об этом, Зинаида, даже не беспокойся. Я уже всех отвадил, теперь никто не звонит. Ты бы мне за это коньячку

принесла с работы. Отвадил ведь, а то все звонят и звонят, порочат честное имя Зинаиды Корытской! И ведь добро бы замуж кто взял!

– Да кто ж меня возьмет, если ты всем сообщил, что я уже в трехкомнатной квартире живу?! – вспылила Зинаида и удалилась к себе.

На следующий день была суббота. Не надо было никуда идти, никого не хотелось видеть, а потому Зинаида подниматься не торопилась. Она могла бы пролежать еще часика два, если бы не жалобное пение Мурзика за дверью. Вчера она не впустила его к себе, и он сегодня с раннего утра исходил кошачьими слезами. Ничего страшного бы не случилось, если бы Мурзик полежал и на кухне, но к его воплям присоединился бас Григория:

– Зинаида, немедленно открой животному! Я не про себя, это тут у тебя кот мучается, то ли ласки требует, то ли рыбы. Зинаида! Ты спишь, что ли? Мурзинька, кыс-кыс-кыс... ори громче, хозяйка у тебя глухая на оба уха. Зи! На! И! Да!

Зина резко вскочила, надела халат, гневно распахнула дверь и только приготовилась устроить соседу выволочку, как в коридоре появилась благоухающая Юнона.

– Гришатка, а мы сегодня разве не собираемся к маме? Она звонила – приготовила нам чудесные вареники из вишни. Зиночка, вы любите вареники из вишни?

Зинаида медленно гасила раздражение.

– Да не расстраивайтесь вы так из-за этих вареников, – по-своему понял ее состояние Гриша. – У матушки опять, наверное, клюква скисла, вот она и напихала ее в тесто. Я пробовал – ужасная гадость.

– Гриша! – приготовилась зарыдать Юнона и удалилась в свою комнату, высоко задрав голову.

Уже через секунду она появилась снова, теперь уже наряженная, как новогодняя елка – в блестящей, точно фольга, кофте, в шелковой шали, где по черному фону были щедро раскиданы крупные цветы непонятного вида, губы алели чуть не до самого носа, а брови убегали к ушам. Юнона себя чувствовала красавицей, оттого была холодна и высокомерна.

– Григорий, я к маме. Если соберешься, знаешь, где меня найти.

И удалилась.

Сразу после ее ухода Григорий начал собираться. Правда, совсем не на поиски жены. Он быстренько созвонился со своим коллегой по трактору, и свободные мужчины организовали мальчишник в ближайшей пивной.

Зинаида вспомнила, что уже давненько не была у дочери, и решительно уселась перед зеркалом. Спустя минут двадцать она уже, моргая щедро накрашенными глазами и поправляя высоко взбитую челку, натягивала сапоги и выслушивала Нелины жалобы на жизнь.

– Вот как хорошо, когда родни-то много, – печалилась

та. – Одни к матери, другие к дочери идут, и только мне, бедняжке, некуда податься. Ну ничего, вот скоро я Дашку замуж выдам – и сразу же в ресторан! Зин, ты только представь, я ведь ни разу в ресторане не была. А у меня уже и платье приготовлено.

Зинаида быстренько подсчитала, что в ресторан Неля отправится как раз лет эдак в шестьдесят пять, и вошла в положение:

– Чего уж до старости ждать, давай я завтра с Дашей посижу, а ты сбегай. У нас недалеко неплохой ресторанчик есть.

– Ой, – расхохоталась Неля, – да с кем мне сейчас-то идти? Я уж лучше потом, со сватьей. А сейчас... Одной неудобно, вдруг кавалеры нападут, а я и отбиться не смогу.

– Ну с Поповыми сходи, с Юноной и Григорием.

– А с Григорием, точно тебе говорю, ни один кавалер напасть не решится, – поджала губы женщина. – Он хоть из деревни и удрал, а повадки остались бычачьи.

Зинаида только развела руками, а затем продиктовала:

– Значит, так: если мне позвонит мужской голос, скажи, пусть оставит телефон. И передай, что замуж я вовсе не выходила. Запомнила? И скажи, что я сейчас у Насти, у дочери. Он должен знать ее номер телефона.

– А если позвонит женский голос?

– Ты, Неля, прям как маленькая! Какой еще женский голос? Ну уж если позвонит, говори что хочешь.

У дочери Насти время пролетело незаметно. Не успели женщины обсудить и половину новостей, как на город опустился поздний вечер.

— Ой, мам, оставайся у нас, — заканючила Настя, цепляясь за руку матери, как в детстве. — Мы с тобой пирог испечем, а?

— Ну какой пирог, Настя? — нежно укорила дочку Зинаида. — Скоро лето, сарафанчики открытые, бикини там всякие, а я после пирога! Нет уж, надо о фигуре подумать. Кстати, я собираюсь заняться гимнастикой, я по телевизору видела... Ой, об этом в другой раз! Александр меня проводит?

На улицу они вышли втроем. Весна вдруг вспомнила про плюсовую температуру, лужицы растаяли, и в вечернем воздухе уже веяло потеплением. И так было славно, спокойно, тихо, так трепетало сердце в предчувствии лета, что Зинаида, заявившись домой, немедленно стала над собой измышляться.

Сначала она, как и хвасталась дочери, занялась гимнастикой — закидывала ноги за голову, складывалась в немислимые фигуры и старательно приседала, щелкая коленками. Потом женщина собрала кое-какие скляночки, баночки и надолго закрылась в ванной. И только около трех часов ночи усталая, но довольная нырнула под одеяло и зашлась богатырским храпом.

Назавтра она проснулась в таком состоянии, как будто по ней ездили танки — все тело ломило, ноги не гнулись, а шея отказывалась поворачиваться.

– Мурзон, – слабо простонала Зинаида, сползая с кровати на четвереньках. – Ты мне шею не погреешь? Или там массаж какой-нибудь лапками, а? Ведь пишут же – кошки лечат от... Господи, от какой же заразы они лечат-то?

Кот вытаращил круглые глаза и с диким недоумением наблюдал за ползанием хозяйки.

– Надо просто еще раз разогреть мышцы... – объяснила себе «гимнастка» и попробовала разогнуться.

В кухне Юнона с Григорием и Неля с Дашенькой напряженно прислушивались к непонятым стонам, сдержанным всхлипам и странному кряхтению, доносившимся из комнаты ответственной квартиросъемщицы.

– Так... Доигрались... – долбанул ладошкой по столу единственный мужчина, блюститель нравственности. – С кем вчера заявила домой Зинаида? Не юлите мне глазами! Отвечайте, как в школе! Я спрашиваю – с кем?!

Женщины переглянулись.

– Гриша, ну кто за ней следит-то? Я, например, чинно спала, пока ты пьяный в зюю не приплелся, – отчиталась Юнона.

– А мы с Дашкой и вообще... – испуганно затараторила Неля. – Дашка вчера днем не спала и вечером чего-то капризничала. Я ее качала-качала, мы так и уснули обе, закачанные. Я вообще только в десять поднялась.

– Понятно, – насупился Гриша. – У вас тут черт-те кто по ночам околачивается... Зинаида, немедленно выходи! Мы

все знаем! Мы сейчас...

Дальше говорить не имело смысла – дверь комнаты Зинаиды отворилась, и появилась сама Зинаида, прямая, как шест.

– Здравствуй, – с перекошенной улыбкой поздоровалась она и на негнущихся ногах поковыляла в ванную.

Неля тут же подскочила и заглянула в ее комнату – никого. Поповы тоже лично убедились, что посторонних в комнате не наблюдалось, только Мурзик жмурился на подоконнике и строил ехидные кошачьи рожи.

– Никого, – подтвердил Григорий. – А с кем же тогда... Я не понимаю, чего сопеть-то тогда? У нее даже телевизор не включен!

– А зачем телевизор? – появилась за их спинами Зинаида. – Гимнастикой и без него заниматься можно. А что случилось?

– Конечно, ничего, – поджала губы Юнона Васильевна. – А что это за гимнастика такая, от которой всех соседей можно в ужас привести? Мы уж подумали, тебя там кто-то душит!

– Не, я-то, честно говоря, на другое подумал, – наивно признался Гриша. – Но гимнастика это... Та-а-ак, бабы! Кто еще не сделал утреннюю зарядку, в одну шеренгу становись!

– Во! – сунула ему Неля под нос здоровенную фигу и спряталась в своей комнате от греха подальше.

Зинаида тоже юркнула к себе, и только несчастная Юно-

на, вытянувшись веревкой, принялась ожесточенно дергать длинными худыми руками, вскидывать колени и вертеть тазом, как того требовали спортивные команды мужа. Уже закрывая за собой дверь, Зинаида услышала, как от мадам Поповой исходят стоны, всхлипы и кряхтение.

Наблюдать за стараниями соседки у Корытской не было времени – она торопилась к Нюре в больницу. Правда, торопиться ей только хотелось, а вот получалось плохо, вся она двигалась будто на шарнирах. В автобусе ей даже сочувственно уступили место, после того как Зина с трудом вскарабкалась по ступенькам.

Подруга же, едва заведя в дверях знакомую фигуру, недовольно затрубила:

– Ой, а чего ты одна-то? Я уж думала, она мне преступника в наручниках притащит, а она... Зин, а чего с тобой такое-то? Это тебя чего, на нервной почве так колбасит?

Зинаида доплелась до Нюркиной кровати и плюхнулась чуть не на больную ногу Тюриной.

– Нет, не на нервной. Я вчера мышцы перенапрягла, понимаешь, к лету себя готовила, и вот...

– Я фигею! – шлепнула Нюрка по одеялу. – Ей мозги напрягать надо, а она мышцы! Я ж тебе заказывала – притащи мне преступника! Интересное дело, кому-то там нашла бандитов, а для любимой подруги даже завалящего хулиганишку припереть не хочешь, только мышцы качаешь!

Зинаида уныло посмотрела в окно и пробубнила сама се-

бе:

– Спокойно, Зинаида, спокойно. Чего с нее взять, голова теперь у Нюрки с самой настоящей дырой... ума и раньше-то не было, а сейчас...

– Ты чего там бормочешь? – вскинулась Нюрка. – Сама, главное... а я без мозгов получаюсь?

– А если у тебя мозги есть, так соображать же надо – кто меня сюда с наручниками пустит, а тем более с преступником? На кой черт его в больницу-то тащить, если он по всем правилам в милиции должен быть?

Нюрка пошлепала ртом, а потом заявила:

– А потому что я потерпевшая и... и хочу ему вот так вот в глаза посмотреть! Да!

– И где я тебе преступника найду за два дня? Ты прям вообще! – обозлилась Зинаида и плюхнула на кровать пакет с фруктами. – Ешь давай бананы, для тебя самая подходящая пища.

– Чего ты мне все бананы таскаешь, будто я обезьяна какая? – уже примирительно проворчала Нюрка. Однако сунула в рот гостинец и несколько виновато сообщила: – Я чего кричу-то? Я ж боюсь! А вдруг он сюда залезет?

Зинаида тоже ухватила банан и покачала головой:

– Нет, не залезет. Мне вообще кажется, что тебя просто хотели ограбить.

– Не смейся меня, в самом деле! Хотели ограбить, а взяли только телефон и двести рублей денег? – невесело фыркнула

Нюрка Тюрина. – Можно подумать, с меня больше и взять нечего!

– У тебя деньги не преступник взял. Их Вася вытащил, в качестве вознаграждения за твое спасение. И телефон он же прибрал.

– А тот изувер тогда чем занимался? – напряглась Нюрка. – Может, я чего не помню? Ты уже что-то узнала, да? Ты, Зин, мне все выкладывай, а то, я ж тебе говорила, у меня память стала ни к черту, вот тут помню, а тут не помню. Чего там со мной случилось-то?

Зинаида еще немного пожевала фрукт и принялась докладывать свои размышления:

– Мне кажется, что тебя просто хотели ограбить. Поэтому этак легонечко по головушке тукнули и в подвал сбросили.

– Ни фиги себе «легонечко»! Нет, Зин, меня нормально долбанули. Врач говорит, что я чудом жива осталась.

Зинаида беспечно махнула рукой:

– А, ну тогда, значит, хотели убить. Опять же с целью ограбления. Ударили и скинули в подвал, чтобы уже там, без помех, выгрести у тебя все, что можно. И сережки твои снять. Но грабителя спугнул Вася. Поэтому он и слышал какие-то звуки. Понятно?

– Ага. А кто такой Вася? – выпучив глаза, спросила Нюра.

– Вася, это тот страшный, который тебя по ступенькам тащил. Бомж наш. Между прочим, у него высшее образование, он учителем работал.

– Ага... и он меня на помойку, да? Зачем?

– Затем, что там проходимость большая, народ там часто толчется. И ведь все он правильно рассчитал – тебя в тот же вечер и нашли. А если бы он не появился... Нюр, ты не бойся, грабители на тебя случайно вышли, значит, второго раза не будет. И уж конечно, сюда они не полезут. Чего с тебя здесь снимать-то? Бинты, что ль?

Нюрка все еще не верила и продолжала настаивать:

– И все равно ты их найди. Давай, Зин, так сделаем: как будто я тебя детективом наняла. У меня деньги есть, ты же знаешь. Я заплачу. Только ты найди их, ладно?

– Да ну тебя, с деньгами твоими... Грабителей, между прочим, я еще не искала. Они же могут кем угодно оказаться. Вот так просто шли себе на вечернюю работу, какой-нибудь магазин грабить, а тут им ты навстречу, вся в брюликах. Ну и, конечно, у них сразу профессиональный азарт разыгрался... Слушай, Нюр, а чего это мы все время «они» говорим? У них что, в тот вечер бригадный подряд был? – вдруг спросила Зинаида.

Нюра почесала бинт на голове и пожала плечами:

– Не помню. Даже больше тебе скажу – не видела.

– Вот ты какая. С меня преступников требуешь, а сама даже разглядеть их толком не догадалась, – вздохнула Зинаида.

Теперь уже Нюра почувствовала себя виноватой:

– Зато... зато ко мне приходили из милиции, и я им ничего не рассказала.

– Вот это ты мне сувенир подарила, – съязвила Зинаида. – Лучше бы рассказала, быстрее бы дело пошло.

– А если мне больше нечего рассказывать? А остальное они и так знают. Ты, Зина, ищи себе спокойно. Я вот так подумала: в глаза-то преступнику я в любой момент могу посмотреть, правда же? Мне сначала надо в себя прийти, чтобы волосы, лицо и все остальное стало как прежде. Чтоб его совесть заела, как меня увидит, что он такую красоту хотел из-за каких-то брюликов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.